

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Минаков А. Ю.

**Ранние русские консерваторы
первой четверти XIX в.**

***Учебное пособие (020700)*
по специальности 030401 – История
ОПД. Ф. 02.**

**Воронеж
2005**

Утверждено научном-методическим советом исторического факультета (протокол № 3 от 31 марта 2005 г.)

*Пособие подготовлено на кафедре истории России
исторического факультета
Воронежского государственного университета
Рекомендуется для студентов 3-го и 4-го курсов
дневного и вечернего отделений*

Введение

Учебное пособие «Ранние русские консерваторы первой четверти XIX в.» предназначено для студентов исторического факультета Воронежского государственного университета, специализирующихся по кафедре истории России.

Консерватизм возник в конце XVIII в. как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию Прогресса, революционные изменения в мире, как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих эволюционное органическое развитие общества, для которого характерны культ сильного государства, приоритет его над интересами индивида, понимание естественного неравенства людей и соответственно признание необходимости общественной иерархии. Одной из важнейших ценностей для консерватизма является религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности. Отсюда вытекает также скептическое отношение консерватизма к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, понимание ограниченности и несовершенства (“треховности”) человеческой природы, то, что обычно обозначается как антирационализм. Следует подчеркнуть и весьма характерный для большинства консерваторов антииндивидуализм. С точки зрения большинства консервативных доктрин приоритетное значение имеют интересы целого, надиндивидуальных ценностей (Бог, нация, государство, общество и т.д.), а не отдельной личности.

Для консерватизма характерен культ не только сильного государства, церкви, религии и нравственности, но и семьи, школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, т. е. тех общественных институтов, которые выступают основными проводниками и хранителями традиции. Сюда же можно добавить и такие типологические черты консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод, прагматизм, здравый смысл.

Консерватизм при этом противостоит идеологиям, в основе которых лежат ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, рационализм, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен и революционных изменений.

В случае необходимости социальных перемен консерватизм требует при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего

нового. Они выступают лишь против абсолютизации принципа новизны, что обычно характерно для либерализма и еще более левых течений.

Можно с достаточной степенью определенности утверждать, что, в отличие от западноевропейского, русский консерватизм легче поддается типологизации, он более “жесток”, поскольку в нем четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православной религии на все стороны общественной жизни — от бытовой до политической. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального народного напряжения и сплоченности. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западноевропейской культурно-религиозной традиции — русское антизападничество, которое стало существенным компонентом национального самосознания. В XVIII—XIX вв. русский консерватизм возникает как реакция на вестернизацию России, предпринятую Петром I, и на угрозу революций, надвигающихся с Запада.

Помимо главного течения, для которого приоритетными ценностями были православие, сильное централизованное государство, национализм, в русском консерватизме на разных этапах существовали различные течения, которые можно назвать церковным, масонским, националистическим и либеральным консерватизмом, однако эти течения не доминировали в русском консерватизме и не определяли его специфику.

Пособие предполагает знакомство с новейшей историографией русского консерватизма, типологией основных течений раннего русского консерватизма и основными биографиями и взглядами представителей всех течений раннего русского консерватизма.

Глава I. Изучение русского консерватизма в современной российской историографии: главные направления и тенденции

Нельзя сказать, что русский консерватизм вовсе не изучался в СССР, но не стоит преувеличивать и степень его изученности. Так, в пореволюционные десятилетия, т. е. в 1920-30 гг., вышли единичные и весьма добротные работы о консерваторах эпохи Священного союза, о русских связях Жозефа де Местра, ряд публикаций о полемике между Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым, о деятельности консервативной «Беседы любителей русского слова», статьи, посвященные К. П. Победоносцеву, Александру III и консервативной корректировке Великих реформ в 1880-е гг., изданы с «разоблачительными» целями дневники,

мемуары и переписка К. П. Победоносцева, материалы по истории черносотенного движения¹. Список этот при желании можно дополнить максимум десятком-другим фамилий авторов и наименований, но не более того. Справедливости ради стоит отметить, что труды 1920-30-х гг., посвященные консерваторам, носили зачастую археографический характер и имели строго академическую форму, в отличие от эмоциональных и субъективных, полупамфлетных произведений на ту же тему, вышедших из-под пера либеральных историков в дореволюционное время², т.е. историография 1920-30-х гг. в чем-то несомненно была качественно более высоким этапом развития исторической мысли, изучающей русский консерватизм, нежели соответствующие дореволюционные работы.

В период Великой Отечественной войны исследования, посвященные консервативной проблематике, выходить перестали, однако рядом историков государственно-патриотической ориентации (Е. В. Тарле, С. К. Бушуев, А. Е. Ефимов и др.) был поставлен вопрос об исторической реабилитации таких видных фигур «консервативного лагеря», как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев³, что, впрочем, было демонстративно проигнорировано сталинским агитпропом. В послевоенный период, который современная национал-патриотическая историография связывает с неким «патриотическим ренессансом», инициированным Сталиным, работы, в которых исследовался бы русский консерватизм, также практически не публиковались, что, безусловно, достаточно ярко характеризует «русскость» и «традиционность» подобного «ренессанса».

После длительного перерыва, начиная с 60-х гг. XX в. в Тарту (Эстония) усилиями семиотической школы Ю. М. Лотмана были созданы объемные, интересные и не потерявшие по сей день значимости исследования о ранних русских консерваторах - Н. М. Карамзине, А. С. Шишкове, С. Н. Глинке⁴. Школа Лотмана заложила прочную традицию изучения раннего русского консерватизма в рамках прежде всего филологии.

Если говорить о работах, вышедших за пределами «лотмановского» Тарту, то некоторые частные аспекты истории раннего русского консерватизма, связанные с противодействием либеральным реформам (взгляды и проекты Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и др.), рассматривались с позиций марксистской методологии в обобщающих работах А. В. Предтеченского и некоторых др. советских историков, посвященных царствованию Александра I⁵. С нашей точки зрения, историки-марксисты в основном опирались на ту эмпирическую базу, которая была создана дореволюционной историографией, например, в трудах Н. К. Шильдера и других так называемых «дворянских охранителей», и ограничивались по преимуществу интерпретационными новациями.

Иначе обстоит дело со школой П. А. Зайончковского. В фундаментальных трудах этого видного советского историка, посвященных внутренней политике самодержавия в 70-90-х гг. XIX в. впервые, после весьма значительного перерыва, были созданы яркие, хотя и политически тенденциозные (с очевидной оглядкой на «марксистско-ленинскую методологию») исторические портреты таких видных русских консерваторов, как Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, В. П. Мещерский, исследовано их влияние на формирование того политического курса, который в советской историографии получил название «контрреформ»⁶. Если школа Лотмана «реабилитировала» изучение раннего русского консерватизма конца XVIII - первой трети XIX в., то позитивистской школой Зайончковского было реабилитировано изучение зрелого русского консерватизма 1870-1890-х гг.

Одной из характерных черт тогдашних исследований, касающихся консервативной проблематики, была та, что степень научной объективности научной работы снижалась, в силу возрастающей идеологизации исторической науки, по мере хронологического приближения объекта исследования к советскому периоду.

Примерно к началу 70-х гг. XX в. обозначилась тенденция к выделению истории русского консерватизма как самостоятельного направления⁷. До этого те или иные сюжеты, связанные с консервативной проблематикой, рассматривались в рамках более широких тем, прежде всего, внутренней политики самодержавия. В конце 70-х гг. появляются первые крупные исследования, посвященные целиком и полностью консерваторам XIX в. Наряду с прочими, необходимо выделить новаторский для того времени труд В. А. Твардовской о М. Н. Каткове (в данном случае исследовательница творчески развила одну из тем своего учителя – П. А. Зайончковского)⁸, который по богатству фактического материала до сих пор не превзойден в современном «каткововедении». Монография Твардовской дала мощный импульс научному сообществу в изучении русского консерватизма, как минимум – способствовала формированию стойкого и непреходящего интереса к этой тематике. В 70-80-е гг. появились монографии о славянофилах, статьи об идеологии «официальной народности», о Н. Я. Данилевском, К. Н. Леонтьеве, В. В. Розанове, К. П. Победоносцеве и др.⁹ Впрочем, такого рода работы продолжали оставаться исключением.

Если попытаться в целом оценить степень исследовательского интереса к русскому консерватизму в советскую эпоху, то он был невелик и явно уступал по количественным характеристикам исследованиям, посвященным другим направлениям русской общественной мысли последней трети XVIII - начала XX в., например, марксизму, народничеству и либерализму. Работ по консерватизму, в лучшем случае, насчитывались десятки, что же касается других идейных направлений, в особенности революционных, то здесь счет шел на тысячи, если не

больше, наименований. Причина этого была очевидна: объективная общественная потребность в том, чтобы преодолеть российское «красное смещение в политическом спектре» (Д. Галковский), возникшее в XIX и абсолютно доминировавшее в XX в., не могла реализоваться в условиях абсолютной монополии государственной идеологии, имеющей мощную анти-традиционалистскую и анти-консервативную родословную.

Ситуация существенно изменилась после начала горбачевской «гласности». В конце 80-х гг. стала стремительно реализовываться естественная потребность научного сообщества в преодолении возникшей диспропорции в изучении общественно-политической мысли. Помимо причин чисто академического свойства, у «консервативного бума» оказались и другие: политические, причем степень их воздействия на собственно научные исследования, как нам представляется, усиливается с каждым годом. Отметим основные причины нарастания консервативных настроений в обществе, мировоззренческие ценности и мотивации, которые стимулировали и в какой-то мере формировали соответствующие исследовательские дискурсы. Среди них хронологически первым было отторжение от коммунистической идеологии, скомпрометировавшей себя в глазах большинства интеллектуальной элиты, что привело к тому, что часть ее оказалась готовой воспринять консерватизм в качестве естественного идеологического противовеса и оппонента всякой «левизне». По мере относительного неуспеха либеральных реформ, начавшихся с 1992 г., стало нарастать и сознательное отталкивание от «навязанного Западом» либерализма. Спрос на консерватизм, имевший поначалу антикоммунистический оттенок, приобрел теперь четко звучащий антилиберальный (антибуржуазный) акцент. Сама верховная власть, еще при Ельцине, заявила о необходимости формулировки национальной идеи, что было воспринято носителями сформировавшегося к тому времени правого дискурса как своего рода «сигнал к решительным действиям». В этих условиях Н. М. Карамзин, С. С. Уваров, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, И.А. Ильин и т.д. стали «властителями дум» части интеллектуальной элиты и научного сообщества. Русский консерватизм воспринимался этими людьми как искомая русская национальная идея, которую лишь необходимо актуализировать в принципиально новой обстановке. В наследии консерваторов XIX - начала XX в. стали отыскивать «ценные элементы», призванные подтвердить тезис, что их идеи, которые «так и не были использованы тогдашней властью, и сегодня не утратили своего значения». В рамках подобного дискурса все проблемы по актуализации консервативной идеологии решаются весьма просто: концепцию самодержавной монархии необходимо использовать для разработки идеи «сильной государственной власти» авторитарного типа, представления об имперской модели можно превратить в учение о новом российском унитаризме, русскую националистическую риторику пустить в ход в борьбе с этнократическим национализмом «нерусских» субъектов РФ,

ставку на православие и православную церковь («духовный стержень русской государственности и культуры») возродить в новых исторических условиях, введя на общегосударственном уровне преподавание основ православия в школе и обязав высших чиновников время от времени отстаивать длительные церковные службы в Успенском соборе Московского Кремля, и т.д. С подобной точки зрения, у любой консервативной идеи позапрошлого века есть возможность реализоваться с некоторыми видоизменениями в России XXI в.

Работа историков конца 80-х - первой половины 90-х гг. XX в. сосредоточилась прежде всего на изучении эмпирической базы русского консерватизма: в потоке статей и монографий и поныне явно преобладают труды, посвященные конкретным персоналиям, ключевым фигурам русского консерватизма. Можно даже говорить о некоей позитивистской «зацикленности» историков на конкретных фигурах, носителях консервативной идеологии и практиках этого течения. Если задаться целью обобщить эти работы ради создания относительно целостной картины, то надо признать, что такая цель вполне достижима, поскольку через персоналии отчетливо просматриваются контуры феномена русского консерватизма на всем историческом пути его развития. Разумеется, все эти работы неоднородны по своим академическим достоинствам, степени проработанности источников и знанию историографии проблемы, авторы их исповедуют различные политические взгляды, и, соответственно, они написаны в совершенно разных дискурсах – от крайне правого до либерально-консервативного и объективистского, но так или иначе, общая картина эволюции русского консерватизма – от М. М. Щербатова до право-монархистов начала XX в. – в них с фактической стороны в основном воссоздана¹⁰. Обращение к подобной практике, с нашей точки зрения, является закономерным этапом научной работы: российским историкам необходимо было прежде всего накопить значительный фактический материал, прежде чем приступать к теоретическим обобщениям и методологическим поискам. Можно констатировать, что наступил момент, когда во множестве созданные «исторические портреты» явно нуждаются в выходе на более высокий, «панорамный», уровень обобщений. Тем не менее, есть причины, по которым это происходит пока явно в недостаточной степени. Одна из них – боязнь четких и недвусмысленных политических оценок, нежелание впасть в идеологическое менторство и догматизм былых десятилетий, заставляющее избегать широких научных обобщений. Кроме того, формальный отказ от марксистско-ленинской методологии отнюдь не сопровождается автоматическим усвоением новых исследовательских подходов и методов. В этих условиях позитивизм стал преобладающим методом научного исследования («факты являются гораздо более важными, чем их интерпретация»¹¹). А такого рода установка неизбежно привела к преобладанию жанра исторического портрета, нарратива с минимумом аналитических выкладок. У этого подхода есть свои плюсы, в

частности, он приводит к резкому расширению фактической базы исследований.

Параллельно с накоплением нового эмпирического материала возрос интерес к историографическим наработкам дореволюционного периода и пост-революционного периодов, которые в значительной мере игнорировались советскими исследователями. Этим объясняется широкое переиздание классических работ А.Н. Пыпина, Н.К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича и др.¹², философов «русского религиозного ренессанса»¹³, эмигрантских авторов¹⁴, в том числе и крайне правого толка.

Обычно редакторы сопровождают такого рода переиздания ремарками о необходимости возобновить прерванную историографическую традицию, а также о достоинствах переиздаваемых книг, среди которых - «насыщенность фактами, точность и живость изложения, способность ненавязчиво довести до читателя свою точку зрения, раскрыть на примере разбора отдельных проблем значение общих тенденций в политике правительства и настроениях образованной части общества»¹⁵. Представляется, что главное в этих характеристиках – позитивистский пафос «насыщенности фактами».

С начала «гласности» и по настоящее время были изданы принципиально важные для изучения русского консерватизма и национализма работы западных авторов: А. Валицкого, Е. Шацкого, К. Манхейма, Р. Уортмана, К. Гирца и др.¹⁶ Были переведены и работы основоположников европейского консерватизма и ряда авторов, традиционно относимых к консервативному течению – Э Бёрка, Ж. де Местра, А. Токвиля и пр.¹⁷ Можно констатировать, что в методологическом плане возникло влияние западной исторической мысли, хотя степень ее воздействия не стоит преувеличивать. В частности, в пост-советской историографии было усвоено манхеймовское разграничение между традиционализмом и консерватизмом, понимание консерватизма как реакции на Просвещение и Великую французскую революцию, подавляющее большинство историков приняли подходы С. Хантингтона к идентификации консерватизма (автономный, ситуационный и аристократический). А. Л. Зорин обратился к идеям К. Гирца, хотя подобного рода их использование стало возможным в силу того, что определение культуры, предложенное Гирцем, оказалось «достаточно близким формулировкам и определениям, которые в изобилии рассыпаны на страницах тартуских сборников»¹⁸.

Отметим также, что в сфере изучения консерватизма как общеевропейского феномена произошло зарождение исторической компаративистики. При этом подчеркнем, что книги германистов А. Н. Мочкина и Г. И. Мусихина, посвященные сравнительному анализу немецкого и русского консерватизма, являются пока все же исключением, а не правилом¹⁹. Появились компаративистские исследования и среди не-германистов, особенно здесь стоит выделить работы М.И. Дегтяревой о «русских сюжетах» во взглядах и в деятельности Ж. де Местра²⁰.

Представляется, что у данного направления есть большая перспектива, поскольку континентальный, прежде всего, немецкий, консерватизм имеет достаточно большое количество типологических общих черт с русским. К примеру, основой консервативного мышления в России и Германии стала прежде всего антирационалистическая критика теорий Просвещения.

При всех достижениях в области перевода, очевидно, что значительный пласт трудов по истории русского консерватизма российским исследователям до сих пор не освоен (Н. Рязановского, Э. Тадена, М. Катца, Р. Бирнса и др.), в силу недостаточного знания ими иностранных языков, прежде всего, английского²¹. Кроме того, для исследователей всех направлений было бы принципиально важно быть знакомыми с обобщающими трудами по истории немецкого, французского, испанского и т.д. консерватизма. Однако их переводы на русский язык пока отсутствуют, равно как нет реферативного издания, которое могло бы знакомить с новинками западной историографии.

К настоящему моменту в наименьшей степени оказались разработаны вопросы историографии, источниковедения и историографии русского консерватизма. Тем не менее, и здесь в самое последнее время есть сдвиги, в частности, можно указать на работы А. В. Репникова и И. Л. Беленького²².

В результате активной исследовательской деятельности возрос интерес к проблемам методологического характера. В 1993-2001 гг. рядом журналов были проведен целый ряд дискуссий и «круглых столов», отразивших резко усилившийся интерес к консервативной проблематике различных «фракций» гуманитариев – историков, философов, социологов, политологов и т.д. В основной мере они были посвящены проблеме дефиниции консерватизма как целостного явления, причинам его возникновения, описанию ценностей, отличающих консервативную идеологию от либерализма и радикализма, уточнению специфики русского консерватизма, делались и попытки типологизирования отдельных направлений консерватизма²³. В ходе дискуссий обрисовались две полярные точки зрения на русский консерватизм; первая, преобладающая: русский консерватизм – это «естественная реакция на разрушительные социально-политические последствия буржуазно-индивидуалистической эволюции и европеизации России». Консерватизм в этой трактовке предстает как позитивное явление, «в духе традиционализма и здорового национализма» (В. Н. Абрамов)²⁴. Вторая точка зрения акцентирует внимание прежде всего на негативных особенностях русского консерватизма. К ним относят “правовой нигилизм, принцип ограничения личных прав граждан, свободы слова и свободы совести в интересах государства, близость некоторых принципиальных антидемократических установок с марксистскими, идеологическая общность с правыми радикалами, агрессивный национализм” (Б. М. Витенберг)²⁵. Впрочем,

вторая точка зрения в условиях своеобразной моды на консерватизм ныне распространена в гораздо меньшей степени, чем первая. Отметим одну характерную особенность этих дискуссий: тон на них в основном задают философы и политологи. Именно они формулируют их тематику и проблемные узлы, им принадлежит львиная доля выступлений и т.д. При этом они часто имеют слабое представление о конкретных взглядах и политической практике русских консерваторов. Историки же, как правило, воспринимают эти дискуссии как чрезмерно абстрактные, имеющие лишь косвенное отношение к изучаемому им фактическому материалу. Существенного «взаимопроникновения» различных гуманитарных дисциплин пока, с нашей точки зрения, не наблюдается.

Несмотря на явное доминирование исследований, сосредоточенных на изучении «фактологии» консерватизма, неуклонно растет число исследований, посвященных теоретическим проблемам. Среди них, на наш взгляд, выделяются работы П. Ю. Рахшмира, В. А. Гусева, В. Э. Багдасаряна, А. Н. Боханова, М. Ю. Чернавского, С. М. Сергеева²⁶. До недавнего времени в этой сфере безусловно лидировал пермский центр под руководством П. Ю. Рахшмира, специализирующийся прежде всего на изучении западноевропейского и американского консерватизма. Однако в коллективных работах, вышедших в Воронеже и Самаре в последние годы, также появились разделы, посвященные теоретическим вопросам изучения русского и западного консерватизма, в которых рассматривались, к примеру, проблемы персоналистической коммуникации традиции, специфики либерального и консервативного национализма, народного и элитарного консерватизма, состояния современного историографического поля российского либерализма и консерватизма, типология раннего русского консерватизма и др.²⁷.

Следует отметить одно немаловажное обстоятельство – подавляющее большинство российских исследователей консерватизма предпочитают заниматься анализом «зрелого консерватизма» конца XIX - начала XX в. Исследований же, касающихся сюжетов в более ранние периоды, например, в царствования Александра I и Николая I, оказалось гораздо меньше. Еще одна деталь: подавляющее большинство историков, занимающихся Александровским и Николаевским периодами, сформировались в русле чисто академических интересов, под влиянием работ Ю. М. Лотмана и некоторых современных американских русистов (в первую очередь А. Мартина и Р. Уортмана). Для них обращение к персоналиям Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки или С. С. Уварова обусловлено прежде всего стремлением полнее и точнее решить проблему зарождения, становления и генезиса русского консерватизма. Здесь почти не обнаруживается правый дискурс, с его претензиями на «идейное руководство современным русским обществом», достаточно характерный для многих исследований истории «зрелого консерватизма». Хотя при желании филологические эксперименты Шишкова по очищению русского языка от иностранных слов можно самым непосредственным

образом генетически связать с практикой современных писателей-почвенников, например, А. Солженицына и В. Личутина. Представляется, что значительную часть носителей правого дискурса «отпугивает» сложность анализа, поскольку взгляды ранних русских консерваторов были относительно расплывчаты, аморфны, не отличались развернутостью и яркостью формулировок, характерных, к примеру, для Н. Я. Данилевского или К. Н. Леонтьева (весьма в этом отношении «выигрышных» для цитирования или относительно последовательного, стройного, логичного изложения их взглядов).

К числу наиболее оригинальных и интересных изданий последних лет, посвященных в той или иной степени русскому консерватизму, после того, как в академической науке окончательно сложилось и стало интенсивно развиваться соответствующее направление, с нашей точки зрения, относятся несколько работ. Остановимся на них подробнее.

В 1997 г. по инициативе А. Н. Боханова, известного своими книгами, посвященными биографиям последним русским царей, представляющими парадоксальный синтез академического стиля и православно-монархического дискурса, вышел сборник «Российский консерватизм», изданный под грифом Института Российской истории РАН²⁸, что само по себе было событием беспрецедентным. В сборнике содержались исторические портреты ряда видных русских консерваторов – от А. А. Аракчеева до В. К. Плеве. Сборник, несомненно, стал этапной вехой в современной историографии русского консерватизма и способствовал обострению внимания исследователей к соответствующей проблематике. Впервые некоторые основные деятели русского консерватизма, по преимуществу, его практики, были обрисованы достаточно полно, ярко и объективно, невзирая на известную апологетическую тенденцию, которая прослеживалась в редакторском предисловии. В нем консерваторы изображались как «люди, объединенные лишь одной идеей, одним высшим стремлением: сохранить историческое Русское Государство», все они были «людьми Веры, Традиции и Порядка»²⁹. Впрочем, подавляющее большинство статей сборника были свободны от апологетики, что отмечал и сам его составитель: «...авторы ... придерживаются несхожих взглядов, что всё ещё так редко встречается в современных коллективных работах. В этой полифоничности, противоречивости оценок и умозаключений отпечаток нашего времени – неопределенного и переходного – отражение эпохи и людей её»³⁰.

В 1999 г. вышло сразу несколько монографий, призванных выйти за рамки исторического портрета и решить достаточно крупную научную проблему: С. Н. Пушкина об историософии русского консерватизма XIX в., А. С. Карцова о правовой идеологии русского консерватизма и А. В. Репникова о консервативной концепции русской государственности, то есть самодержавной модели государственности (речь в ней шла об анализе соответствующих взглядов Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова). Таким образом, на рубеже

тысячелетий в отечественной историографии консерватизма наметилась устойчивая тенденция к обобщению накопившегося обширного эмпирического материала³¹.

Безусловно, самым крупным и обращающим на себя внимание изданием последних лет стала коллективная монография «Русский консерватизм XIX столетия»³². Резонанс от этой работы в научных кругах оказался еще более сильным, нежели от бохановского сборника 1997 г. Главные достоинства и недостатки этой работы мы имели возможность оценить, совместно с М. Д. Долбиловым, в рецензии, помещенной в журнале «Вопросы истории»³³. Ее недостатки оказались объективно обусловленными состоянием российской исторической науки в сфере изучения консерватизма. К примеру, историографический обзор, традиционный для работ такого рода, оказался чрезмерно кратким и содержащим минимальные обобщения, ибо в целом историография русского консерватизма до сих пор не разработана. Имеющиеся к моменту создания книги методологические опыты практически остались «за бортом». Консерватизм интерпретировался зачастую авторами, в сущности, с позиций классового подхода, почти исключительно как идеологическое выражения крепостнических и дворянских настроений. Целый ряд немаловажных сюжетов и проблем выпали из поля зрения исследователей. Безусловно, в монографии содержалась и масса ценных моментов, ее относительная полнота и стремление к объективному рассмотрению истории русского консерватизма в то время были беспрецедентны в академических изданиях, и, несомненно правы те, кто констатирует, что «серьезная попытка рассмотреть консерватизм как не-зло состоялась», а также, что «она [монография] открыла крупное исследовательское направление»³⁴.

За последние годы (2001-2002 гг.) вышло несколько книг, которые свидетельствуют о том, что изучение русского консерватизма явно вышло за пределы начальной стадии «накопления фактов». Книги эти не всегда специально посвящены консерватизму как таковому, но тесно связаны по своему сюжету с соответствующей проблематикой. Уровень новизны и обобщений, а также хронологический обхват в них таковы, что это позволяет заявить о том, что они положили начало форменному «прорыву» в изучении русского консерватизма. Это – исследования А. Л. Зорина, Е. А. Вишленковой, М. М. Шевченко, И. А. Христофорова и Ю. И. Кирьянова³⁵.

Так, в исследовании А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла» содержится оригинальный анализ идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в екатерининское, александровское и николаевское царствования: «греческого проекта» Екатерины - Потемкина, идеологии складывающегося русского консерватизма и национализма в версии Шишкова и Ростопчина, доктрины «православие – самодержавие – народность» С. С. Уварова. При этом автор опирался на традиции

семиотического анализа и метод К. Гирца, интерпретирующий идеологию как систему метафор. Автору удалось в яркой и оригинальной манере ввести в оборот такой своеобразный источник, как оды, трагедии, исторические романы конца XVIII - первой половины XIX в.

Книга Е. А. Вишленковой «Забываясь о душах подданных» посвящена уникальному явлению русской и мировой истории того времени – религиозной политике Александра I, представлявшей собой глобальный экуменический эксперимент, направленный на создание в империи духовно единой общности, идейно единого государства. Автор реконструирует культурный контекст, внутри- и внешнеполитические обстоятельства, в которых принимались правительственные решения, регулирующие религиозную жизнь империи. Главный интерес для историков русского консерватизма представляет блестящий анализ в книге различных его разновидностей: от православно-монархического до масонского и космополитического, в духе позднего Священного союза. В методологическом плане Вишленкова скорее ближе к лотмановской традиции, заявляя, что ее исследование представляет не что иное как попытку «объединить ... тексты (в данном случае – источники. – А. М.) в единый «Большой нарратив» и подвергнуть его анализу с точки зрения доминирующих в нем тем и дискурсов, лингвистических особенностей, а также с позиции меняющихся политических условий историографического процесса»³⁶.

В монографии М. М. Шевченко «Конец одного величия» (равно как и в целой серии статей, посвященных С. С. Уварову), речь идет о влиянии идеологии официальной народности на ключевые направления внутренней политики в царствование Николая I: университетскую политику, народное образование, цензуру и печать. Метаморфозы официальной правительственной идеологии, ее перевоплощения на различных этапах николаевского царствования показаны как никогда подробно и многопланово. Заметим, что автор работает в рамках школы П. А. Зайончковского, с ее подчеркнутой позитивистской установкой: «первичны факты, интерпретация вторична».

К той же школе принадлежит и И. А. Христофоров, автор монографии «Аристократическая оппозиция Великим реформам», в которой, на основе широкого круга малоизвестных, в основном архивных, источников рассматриваются состав, деятельность, идеологическая ориентация и программа одной из политических группировок пореформенной России. Анализ взглядов «аристократов» как консерваторов приводит автора к выводу о том, что они серьезно отличались от большинства русских традиционалистов и отнюдь не отвергали а priori западные ценности и европейский путь развития, будучи противниками крестьянской общины и сторонниками дебюрократизации власти и введения дворянского общероссийского представительства. Это позволяет существенно углубить существующие представления о природе и особенностях русского консерватизма пореформенного периода.

Фундаментальное исследование Ю. И. Кирьянова «Правые партии в России. 1911-1917» явилось результатом многолетней кропотливой работы автора над данной тематикой. Монография посвящена истории правомонархических, правоконсервативных (автор принципиально не использовал термин – «черносотенцы») партий накануне и в годы Первой мировой войны. В книге содержится детальная историография проблемы, анализируются численность и состав правых партий, партийные съезды, текущая работа правых партий, их представления о государственном и социально-экономическом устройстве и развитии страны.

Каждое из этих исследований заслуживает отдельной большой рецензии, поэтому ограничимся общей высокой их оценкой, высказав попутно убеждение в том, что они станут в какой-то мере “опорными” для всех последующих исследований, посвященных русскому традиционализму и консерватизму. Обращает внимание то, что хронологически они охватывают все основные вехи становления и развития русского консерватизма, начиная с конца XVIII в. и заканчивая началом XX в. Отметим также, что, за исключением недавно скончавшегося Ю. И. Кирьянова, все упомянутые авторы являются относительно *молодыми* людьми, работающими в объективистской манере, свободной от крайностей как “почвеннического”, так и либерально-консервативного дискурса (сформировавшегося в лоне современного западнического направления под воздействием изучения преимущественно англо-саксонского варианта неоконсерватизма, при одновременном принципиальном отказе от учета специфики русского консерватизма), в условиях современного российского методологического полифонизма. Для нас очевидно, что наиболее значимые работы последних лет созданы в основном либо в традициях школы Лотмана, либо – Зайончковского. Как видим, историографические традиции, возникшие в 60-70-е гг., оказались чрезвычайно устойчивыми и творческими, доказавшими и в современных условиях свою жизнеспособность.

Особо стоит сказать о переиздании творений русских консерваторов. Был переиздан ряд основополагающих для раннего русского консерватизма текстов М. М. Щербатова, Г. Р. Державина, А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и др.³⁷. Если говорить о публикациях источников николаевского царствования, то за последние годы были изданы доклады С. С. Уварова, в которых излагалась доктрина «официальной народности», Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя, митрополита Филарета (Дроздова), письма и записки Ф. В. Булгарина³⁸. Подавляющее большинство этих изданий носят академический характер, снабжены превосходными предисловиями и научными комментариями.

Из мыслителей второй половины XIX – начала XX в. были переизданы публицистические работы Ф. М. Достоевского, основные работы Н. Я. Данилевского, весьма основательно – Л. А. Тихомиров, почти полностью – К. Н. Леонтьев (издается его полное собрание

сочинений), малоизвестные публицисты и мыслители правоконсервативного и националистического толка³⁹.

Особое место в публикациях источников имеют две серии: «Pro et contra», издаваемая Русским Христианским гуманитарным институтом в Петербурге (к настоящему моменту вышли объемистые сборники о К. Н. Леонтьеве, К. П. Победоносцеве, сборнике “Вехи” и др.)⁴⁰ и вторая - “Пути имперского сознания”, в рамках которой осуществлено издание и переиздание работ Л. А. Тихомирова, М. О. Меньшикова, П. Е. Астафьева и малоизвестных русских консерваторов-монархистов – П. Е. Казанского, Н. И. Черняева и др.⁴¹. Книги первой серии издаются с достаточно добротными академическими предисловиями и комментариями, вторая же серия, издаваемая современными российскими монархистами, такого рода достоинствами не отличается. Особняком среди всех опубликованных за последние годы источников стоит двухтомник «Правые партии (1905-1917 гг.)», изданный Ю. И. Кирьяновым, содержащий уникальные архивные документы и безукоризненный с академической стороны комментарий⁴².

Явными лидерами читательского и исследовательского спроса оказались «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева, «Монархическая государственность» Л. А. Тихомирова. За последнее время в этот же ряд явно напрашивается публицистика идеолога «Всероссийского национального союза» и публициста «Нового времени» М. О. Меньшикова⁴³. Очевидно, что преимущество отдается теоретикам-консерваторам, а не практикам, – так, ничего не переиздано из соответствующих писаний Д. А. Толстого, А. Д. Пазухина, единственное исключение составляет «Московский сборник» К. П. Победоносцева, переизданный несколько раз, и объемистый том избранной публицистики М. Н. Каткова⁴⁴. Очевидно, что исследователей и издателей привлекают относительно “выигрышные” для исторического анализа фигуры *идеологов* консерватизма в силу оригинальности и разработанности их взглядов. Идеи же *политиков* консервативного толка большей частью неоригинальны и “вторичны”. Соответственно, научный спрос на них неизбежно меньше, чем на теоретиков.

Очевидно, что в гораздо меньшей степени издается и переиздается литература мемуарного характера. Тем не менее, стоит отметить, что к настоящему моменту вышли произведения мемуарного характера, принадлежащие Г. Р. Державину, Ф. В. Ростопчину, А. С. Стурдзе, С. Н. Глинке и ряду других идеологов и практиков раннего русского консерватизма, а также воспоминания современников о них⁴⁵.

Немало было опубликовано (переиздано) подобных источников, связанных и с деятельностью русских консерваторов второй половины XIX – начала XX в.: дневники А. В. Богданович, переписка К. П. Победоносцева, дневники А. С. Суворина и сборник воспоминаний о нем, воспоминания князя В. П. Мещерского, мемуарные записи Л. А.

Тихомирова, дневники М. О. Меньшикова, воспоминания и дневники П. А. Крушевана, Н. Д. Жевахова, мемуары В. И. Гурко.

Если попытаться найти некую закономерность в издательской “политике”, то стоит отметить, что большей частью мы имеем дело с переизданиями источников, ранее опубликованных в 20-30-е гг. XX в. Новые источники вводятся в оборот с куда меньшей интенсивностью.

Говоря о возникших научных центрах, можно зафиксировать проведение ряда конференций (начиная с 2001 г.), в том числе международных. В России есть нескольких пересекающихся исследовательских групп, уже достаточно ясно заявивших о себе. Бесспорным лидером был и остается Центр исследований по консерватизму при Пермском государственном университете, работающий под руководством П. Ю. Рахшмира, который, начиная с 1993 г., провел ряд международных конференций с привлечением широкого круга исследователей из России, Германии и США, и выпустил несколько сборников под общим заглавием: «Консерватизм: история и современность»⁴⁶. Их составители явное предпочтение отдают теоретическим проблемам⁴⁷, хотя есть и сборники, практически целиком посвященные отдельным персоналиям⁴⁸. Помимо П. Ю. Рахшмира в составе этого центра работают такие известные исследователи, как М. И. Дегтярева, М. Н. Лукьянов, Г. И. Мусихин, О. Б. Подвинцев и др. Подавляющее большинство исследований этого центра посвящено западноевропейскому консерватизму, хотя достаточно широко представлена историческая компаративистика и отдельные работы, посвященные русским консерваторам.

В Москве не сложилось подобного устойчивого и авторитетного исследовательского коллектива, хотя целый ряд научных инициатив и изданий безусловно внесли существенный вклад в изучение русского консерватизма. К таковым следует отнести «круглые столы», которые регулярно устраивались в Российском фонде культуры по инициативе Н. С. Михалкова. Они способствовали складыванию неформальной научной общности московских «консерватороведов»⁴⁹.

В количественном отношении наиболее плодотворной в Москве, на наш взгляд, оказалась деятельность коллектива, сложившегося на кафедре социально-политических учений философского факультета МГУ. Ведущим организатором этого коллектива стал А. А. Ширинянц, который в соавторстве издал несколько книг, посвященных взглядам Н. М. Карамзина, Н. Н. Страхова, А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, К. Н. Лентьева и Л. А. Тихомирова⁵⁰. Книги этой серии, как правило, состоят из небольшого биографического очерка, включающего анализ взглядов того или иного мыслителя и публикации его отдельных цельных текстов или репрезентативных фрагментов. Авторы подчеркивают, что их цель – актуализация консервативной идеологии в условиях современной России. К примеру, в предисловии к книжке о Карамзине (в которой опубликован текст карамзинской “Записки о древней и новой России”) высказывается

надежда, что, “может быть, через десяток лет выпускники отделения политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и все те, кто внимательно прочтет записку Карамзина, войдут в политическую элиту России со всеми вытекающими из этого последствиями”⁵¹. Карамзин привлек составителей прежде всего тем, что “продемонстрировал конструктивный настрой на “позитивное сотрудничество с властью”, который всегда отличал русских консерваторов от радикалов всех мастей”⁵². В таком же ключе составлены и другие издания.

В 2001 г. по инициативе философского факультета МГУ и Союза писателей России (объединяющего в своих рядах литераторов «почвеннической» ориентации) прошла научно-практическая конференция «Русский консерватизм: история и перспективы», приуроченная к 235-летию со дня рождения Н. М. Карамзина. Наряду с собственно научной составляющей конференции, которая обеспечивалась в целом академическим составом ее участников, организаторы конференции неоднократно подчеркивали в своих выступлениях очевидную политическую цель конференции: «консерватизм может и должен стать философской и практической альтернативой идеологии и практики глобализации, ... в XXI в. традиция русского консерватизма, ее творческое осмысление и развитие, является одним из важнейших источников формирования философской и общественно-политической позиции русского общества». Соответственно, именно эта цель декларировалась в качестве приоритетной для историков, политологов, писателей и идеологов современной «русской правой». Провозглашались необходимость тщательного изучения наследия русских консерваторов, широкой публикации их работ, поисков историко-философских и общественно-политических связей. Примерно в таком же духе прошла работа секции «Русский консерватизм» в рамках Всероссийского симпозиума по истории русской философии, который был проведен философским факультетом МГУ в ноябре 2001 г.

Заявил о себе и исследовательский центр в Самарском государственном университете под руководством В. Дубины и М. М. Леонова. В 2002 г. ими была организована международная конференция «Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт», по итогам которой, при финансовой поддержке был издан сборник под аналогичным названием в том же году⁵³. Конференция получила серьезный резонанс, в ней участвовали историки, философы, политологи как из России, так и из США, Германии и ряда других стран. Однако в последующие годы самарская инициатива не получила дальнейшего развития.

На историческом факультете Воронежского государственного университета в 2000 г. возник исследовательский центр, издавший сборники “Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее” (2001)⁵⁴, “Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления (2004)”, «Консерватизм в России и мире»: в 3 ч. (2004), «Консерватизм в

России и Западной Европе»(2005). Кроме того, были организованы секции по истории консерватизма на конференциях «Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты»(2002)⁵⁵ и «Актуальные вопросы истории общественного движения и общественной мысли в России в предреформенные и пореформенные эпохи» (2004), проведены конференции «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее» (2002), «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время» (2004), был создан (в 2002) вебсайт «Консерватизм в России и мире» (<http://www.conservatism.narod.ru>). Инициаторами и организаторами воронежского центра являются А. Ю. Минаков, С. Г. Алленов, А. В. Макушин, С. В. Хатунцев, Л. М. Искра, В. Ю. Рылов.

Судя по результатам, сложился и научный центр по изучению консерватизма в Ростове-на-Дону. В 2000 г. в Ростовском государственном университете была проведена конференция, посвященная либеральному консерватизму, с участием видных российских специалистов по этой проблематике: О. В. Волобуева, А. Н. Медушевского, А. П. Корелина, В. В. Журавлева и др., по итогам которой в московском издательстве РОССПЭН был издан сборник⁵⁶. Этим дело не ограничилось, в 2002 г. вышел еще один сборник, посвященный проблемам истории консерватизма и традиционализма⁵⁷, а в конце 2003 г. проведена конференция «Россия и Запад: взгляд консерватора. К 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева (1803-1873)»⁵⁸.

Стоит также отметить несколько научных инициатив по изучению русского консерватизма, которые пока не получили продолжения и развития. Так, в сентябре 1998 г. в Институте мировой литературы РАН состоялась научная конференция «Консерватизм и традиционализм в литературе, культуре, философии, эстетике», по итогам которой спустя несколько лет был издан сборник⁵⁹, в 1999 г. в Челябинском педагогическом университете был издан небольшой сборник статей, посвященных русскому консерватизму⁶⁰, а в С.-Петербургском университете в феврале 2002 г. проведена международная научная конференция, посвященная проблемам истории консерватизма и либерализма, по итогам которой был выпущен сборник под редакцией А. С. Карцова⁶¹, историка, юриста и политолога одновременно, автора монографии, посвященный правовым взглядам русских консерваторов (в которых он, кстати говоря, один из немногих усмотрел и однозначно негативные моменты, в частности, правовой нигилизм, что в какой-то мере роднило русских консерваторов с русскими же радикалами и либералами, мизантропию, антииндивидуализм, упор на репрессивную политику и т.д.)⁶².

За всеми этими сборниками и конференциями не кроется некоего системного проекта, будь то политического или академического характера. Темы сборников и конференций зачастую формулируются нарочито широко, чтобы дать возможность любому компетентному исследователю

представить почти любую (порой едва ли не случайную) тематику в качестве доклада или статьи. Значение их, пожалуй, прежде всего в том, что в ходе проведения подобных конференций и издания соответствующих сборников сложилось реальное сообщество исследователей консервативной проблематики. Однако очевидно, что подобный подход изжил себя, и наступает время мини-конференций и сборников с узкотематической направленностью, за которыми бы стояли уже сложившиеся академические коллективы и проекты, призванные решить конкретные проблемы, обозначившиеся в современной историографии русского консерватизма.

Таким образом, в предельно короткий срок произошло становление и развитие быстро развивающегося научного направления. Появились сотни статей, сборников и монографий, в той или иной степени посвященных истории русского консерватизма, было осуществлено большое количество изданий работ русских консерваторов. Кроме того, в научном сообществе произошел отказ от марксистской парадигмы, пришли новые поколения исследователей в возрасте 20-40 лет. Происходит медленная инфильтрация достижений западной историографии.

Основные направления будущей исследовательской деятельности очевидны – это, в первую очередь, выявление и дальнейшие публикации работ русских консерваторов, новые теоретические разработки, изучение новых персоналий. Если говорить о намечающихся новых темах, которые в ближайшие годы будут разрабатываться исследователями, то к ним можно отнести причины формирования русского консерватизма, его связь с западноевропейским консерватизмом, его специфичность в сравнении с последним, его течения (церковный, православно-самодержавный, националистический, масонский, «католический», бюрократический и т.д.), религиозно-богословские построения русских консерваторов, их решение проблемы государственного устройства, историософские воззрения (отношение к Западу и наследию Петра I), экономические взгляды, национальный вопрос в консервативной интерпретации, юридические воззрения русских консерваторов, их влияние на русскую литературу и искусство, педагогические представления, критика либерализма и революционных идеологий.

Главной задачей ближайших 5-10 лет, конечно, является создание обобщающих исследований о консерватизме и консерваторах царствования Александра I, Николая I (идеологах «официальной народности», славянофилах), «почвенниках», консерваторах 80-90-х, правоконсерваторах – «черносотенцах» начала XX в. Все необходимые условия для этого налицо. Можно прогнозировать появление обобщающей «Энциклопедии русского консерватизма». Впрочем, одним из главнейших условий нормального развития данного научного направления, с нашей точки зрения, является дистанцирование исследователей от своего предмета, отказ от вольной или невольной апологетики русских консерваторов, нарастание научного критицизма, что предполагает

сознательный акцент на изучении в том числе и негативных сторон русского консерватизма.

Представляется, что в этих условиях наиболее продуктивным будет развитие историографии, опирающейся как на традиционный позитивистский подход, предполагающий не только использование источников, но и критический подход к ним, точное освещение установленных фактов на основе сравнительно-исторического анализа материалов, стремление обращаться к источникам без предвзятых теорий, признание влияния экономического фактора и социальных процессов на ход истории, попытки найти закономерности в историческом процессе и стремление к обобщениям, так и традиции семиотического анализа, использующие наработки Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Р. Уортмана, К. Гирца. В любом случае такой подход стимулирует в ближайшей перспективе создание связной, полной и целостной истории русского консерватизма, свободной от наследия «марксистско-ленинской» методологии и романтического конструирования «творческой консервативной традиции».

Глава 2. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века

Типология тех или иных идейных течений традиционно является весьма важной задачей историка общественной мысли. Тем более необходимо решение этой задачи для историографии русского консерватизма первой четверти XIX в., поскольку для данного периода никакой удовлетворительной типологической схемы историками и философами по настоящий день пока не предложено. Хотя, надо отметить, накоплен достаточно богатый эмпирический материал, который нуждается в теоретическом осмыслении и наметились первые подходы в классификации идейных позиций русских консерваторов. Тем не менее, несмотря на наличие достаточно богатого историографического «массива», к началу XXI в. можно говорить только о *попытках* типологизации данного периода в развитии консервативной мысли в России в современной отечественной историографии. Они были сделаны в монографии, посвященной истории русского консерватизма XIX в., вышедшей под редакцией В. Я. Гросула (глава о консерватизме в царствование Александра I написана именно им)⁶³ и в нашей рецензии на указанную книгу, опубликованной совместно с М. Д. Долбиловым⁶⁴.

В. Я. Гросул в своем исследовании выделил три разновидности раннего русского консерватизма: церковный, аристократический и мистический, однако не дал им сколько-нибудь развернутых характеристик. О церковных консерваторах⁶⁵ и о мистическом консерватизме в монографии содержатся лишь отдельные упоминания⁶⁶,

наиболее подробно, в несколько строк⁶⁷, характеризуется аристократический консерватизм, характерный для братьев С. Р. и А. Р. Воронцовых, предлагавших «принять конституцию, закрепляющую господство высших кругов»⁶⁸. Сразу скажем несколько слов о сомнительности самого термина – «аристократический консерватизм» применительно к рассматриваемому периоду, поскольку главный критерий для его выделения из общего потока общественной мысли – стремление ограничить самодержавную власть в интересах высших кругов – можно трактовать и как либерализм и даже как радикализм – например, в случае «Конституции» Н. М. Муравьева. Совершенно иными мотивами, нежели воронцовским англофильством, руководствовался бесспорный консерватор Г. Р. Державин, который стремился, по сути, ограничить власть монарха в начале царствования Александра I лишь из тактических соображений, чтобы не допустить того, чтобы сильная монархическая власть не стала орудием либеральных преобразований. Но в целом его позиция, повторим, не выходила за рамки православно-самодержавного консерватизма. Кроме того, его проект реформы Сената был единичным случаем в истории русского консерватизма того времени.

В своей рецензии на книгу «Русский консерватизм XIX столетия» и именно в связи с этой не слишком убедительной попыткой типологизации, осуществленной В. Я. Гросулом, мы, в свою очередь, выделили следующие течения в раннем русском консерватизме: церковный, православно-самодержавный, русско-националистический, масонский, католический консерватизм⁶⁹.

Если говорить об общем подходе, который лег в основу нашей типологизации, то подчеркнем, что мы исходили из представляющегося нам бесспорным положением, что наиболее развитые формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность»⁷⁰. В любом случае, всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них). Это можно сказать о взглядах представителей консерватизма николаевского царствования – позднего А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, М. Н. Погодина, Н. В. Гоголя и Ф. И. Тютчева, пореформенных славянофилов, вроде И. С. Аксакова, о воззрениях М. Н. Каткова, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, русских «черносотенцев». С нашей точки зрения, это обстоятельство позволяет оценивать то или иное течение в русском консерватизме, в том числе и первой четверти XIX в., по тому, как трактовались члены триады, каково было отношение к ним во взглядах представителей соответствующего течения. Иначе говоря, анализ более зрелого явления, знание о нем может многое прояснить в этом же явлении на стадии его зарождения и становления.

Начнем с рассмотрения церковного консерватизма. Его наиболее яркими и известными представителями в тот период являлись митрополиты Платон (Левшин), Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский)⁷¹. Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями могли быть и миряне. Для этого течения было характерно напряженное и драматичное противодействие западным идейно-религиозным влияниям, прежде всего, просветительским идеям и масонству, деизму и атеизму. Можно также отметить достаточно явно выраженное убеждение в особом пути России, связанном с православием, отличающем ее от Запада и Востока. Представители этого течения остро осознавали уникальность своей религии. В отличие от старообрядчества с его тотальным антизападничеством и неприятием «петровской революции», церковный консерватизм представлял более “мягкий” вариант в этом отношении. Для Платона (Левшина) была характерна даже апология Петра. Церковный консерватизм не мог быть тождествен учению церкви, как оно складывалось в более ранние периоды. Это была реакция на вызов Просветительского проекта и косвенно связанных с ним явлений, таких, как фактический отказ от православного характера Российской империи, произошедший после 1812 г., и продолжавшийся до 1824 г.

Для этого течения была характерна лояльность существующей монархической власти, что не исключало ее резкую критику, когда, с точки зрения носителей этого направления, “попирались интересы церкви”, нарушалась “чистота веры”, разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений.

Отметим также, что для церковного консерватизма было характерно почти полное отсутствие интереса к экономической и национальной проблематике. Если говорить о попытках представителей этого направления влиять на жизнь светского общества, то они в основном сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов некую “апокалипсическую”, если не прямо фантастическую окраску (так было характерно, к примеру, для Фотия (Спасского)). Позитивная программа церковных консерваторов имела узко-конфессиональный характер, обычно ими подчеркивалась необходимость широкого распространения православного образования в качестве наиболее эффективного противовеса неправославным и антиправославным влияниям. Кроме того, церковные консерваторы считали недопустимым перевод Библии на русский литературный язык вместо церковнославянского, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания. Имел место и напряженный интерес к проблемам нравственности и необходимости следовать бытовым традициям в той степени, в какой они были связаны с православием. Этническая “русскость” этим течением обычно не акцентировалась. Оно, скорее,

носило имперский, универсалистский характер, нежели националистический.

С церковным консерватизмом было достаточно тесно связано течение светского, православно-самодержавного консерватизма. Наиболее видными его представителями являлись А. С. Шишков (с 1803)⁷², М. Л. Магницкий (с 1819)⁷³. Проблемы веры приобретали во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер, православие в их воззрениях приобретало характер идеологии, противопоставляемой модным в то время экуменическим утопиям. Отсюда – постоянная политическая борьба представителей этого направления с высокопоставленными мистиками и масонами, вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына. Представители этого направления, в отличие от церковных консерваторов, выходили за пределы узко-конфессиональной проблематики. Их воззрения охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов: постановка вопроса о национальном образовании, о характере подлинно самодержавной власти, об отношениях церкви и государства, вопросы цензуры, “русского права”, самобытной национальной культуры, опирающейся прежде всего на определенные языковые традиции, сословного вопроса, университетской политики, внешней политики и т.д.

М. Л. Магницкий одним из первых напомнил верховной власти забытую к тому времени идею: “самодержавие вне православия есть одно насилие”⁷⁴, то есть деспотизм. Речь шла о так называемой “симфонии властей”, восходящей к новеллам императора Юстиниана, и наиболее подробно в дальнейшем разработанной в трудах архиепископа Серафима (Соболева)⁷⁵ и М. В. Зызыкина⁷⁶: Для православно-самодержавных консерваторов было свойственно категорическое неприятие конституционализма и либерализма, Просвещенческого проекта как такового. Они совершенно сознательно старались исключить из преподавания рационалистическую философию и естественное право, как дисциплины, подрывающие основы самодержавной власти и православной веры.

Будучи достаточно хорошо, а порой и блестяще знакомыми с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, представители православно-самодержавного течения создали более развитую, более изощренную в понятийном отношении систему взглядов, нежели церковные консерваторы. Если мысль об особой православной культуре содержалась в воззрениях церковных консерваторов скорее имплицитно, то представители православно-самодержавного течения превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно решив по-своему проблему воспитания в национальном духе (произошло это, впрочем, уже в царствование Николая I, в результате деятельности министров народного просвещения А. С. Шишкова и С. С. Уварова).

Национализм в их воззрениях и действиях прослеживается весьма четко: А. С. Шишкова можно считать одним из тех идеологов, кто стал конструировать впервые националистическую традицию⁷⁷. Что же касается М. Л. Магницкого, то вполне определенно можно утверждать, что в своих действиях на определенном этапе он совершенно открыто руководствовался своими национальными симпатиями и антипатиями, преследуя в Казанском университете, где он был попечителем учебного округа, так называемую «немецкую партию». Вопрос об опасности национализма для имперского универсализма ими, как правило, не ставился, однако их взгляды и соответствующая практика явно вызывали опасения у Александра I. Культурный национализм был для представителей православно-самодержавного направления одной из важных идейных традиций. Но, повторим, на конфронтацию с имперским принципом представители этого течения не шли.

С известного рода оговорками к представителям этого течения можно причислить Н. М. Карамзина после 1811 г., когда этот великий мыслитель, историк и писатель, проделав длительную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX в.: «Записку о древней и новой России»⁷⁸, изложив в нем оригинальную концепцию самодержавия и взгляд на роль православия и русских традиций в истории России. В отличие от А. С. Шишкова и М. Л. Магницкого, Н. М. Карамзин был чужд масонофобии и крайнего антизападничества, отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Здесь, очевидно, сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада.

В деятельности Ф. В. Ростопчина совершенно определенно прослеживается то, что можно обозначить как русско-националистический консерватизм. Националистическая составляющая определенно доминировала в его воззрениях, что до известной степени (речь идет, скорее, об «акцентах»!) отличало его взгляды от взглядов консерваторов православно-самодержавного направления. Разумеется, появление русско-националистического консерватизма было спровоцировано не только галломанией русского общества, но и наполеоновской агрессией, объективно носившей антирусский характер. Уступая по теоретическому уровню вышеперечисленным мыслителям, Ф. В. Ростопчин, мало рассуждая о православной вере и церкви, самодержавии, явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики⁷⁹. Упор на русское национальное начало, агрессивное неприятие французского, которое одновременно выступало синонимом либерального и революционного, – характерные черты того варианта консервативной идеологии, который связан с взглядами Ф. В. Ростопчина. Подчеркнем еще раз: его взгляды особенно ярко демонстрируют то, что можно обозначить как русско-националистический консерватизм, хотя в не столь

«концентрированной» форме их можно обнаружить и у других консерваторов, например, у А. С. Шишкова.

В русском консерватизме указанного периода имелись и течения, связанные с масонством⁸⁰. Оговоримся сразу, масонство – очень пестрое и противоречивое явление, не сводимое к одному «идейному знаменателю». Однако нельзя не заметить, что в масонстве Александровской эпохи существовало несколько направлений, имевших достаточно четко выраженную консервативную и даже националистическую окраску. Для масонства в духе журнала «Сионский вестник», издаваемого А. Ф. Лабзиным, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности⁸¹. Но если в данном случае можно говорить лишь о некоторых элементах консервативного мировоззрения, то гораздо определеннее была ситуация с «консервативным крылом» русского розенкрейцства того времени⁸². Обычно его крупнейших представителей, вроде О. А. Поздеева, П. И. Голенищева-Кутузова называли не иначе как «ультра-консерваторами» и «обскурантами». Исходя из положений масонской доктрины, они признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а с их точки зрения, лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М. М. Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль за общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм.

Были в русском масонстве того времени и носители националистических умонастроений. К таковым принадлежал Д. П. Рунич. Ему было свойственно осуждение Петра I за отказ от народных традиций и привычек, разрушение русской национальности. Тем не менее «изуродованная» Россия, с точки зрения Рунича, сохранившая свою самобытность, должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от всех других народов⁸³.

Вместе с тем, нуждается в серьезном переосмыслении мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе), А. Н. Голицына, и которое ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского»

или «общехристианского государства» (термин Е. А. Вишленковой⁸⁴). Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу *либеральную окраску* (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия и пр.), это направление со временем, под влиянием политических обстоятельств (событий 1819-21 гг., когда по Западу прокатилась революционная волна), «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, стабилизирующе-консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Впрочем, нетерпимое отношение к «православной оппозиции»⁸⁵ и иезуитам-традиционалистам было продемонстрировано представителями этого направления и до начала «революционной волны».

Но и либеральный и консервативный варианты данного направления объективно имели антиправославную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны «православной оппозиции». Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм⁸⁶, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент. Именно вышеотмеченная «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии⁸⁷.

Помимо этих основных течений, которые явно доминировали, можно выделить «католический» консерватизм (характерный для политической группировки, формировавшейся под влиянием проповеди иезуитов-традиционалистов и, в особенности, деятельности Жозефа де Местра)⁸⁸. У него имелись общие черты с русским церковным православным консерватизмом – неприятие просветительской идеологии, экуменизма, «библейской» политики, критика учебных заведений по протестантскому образцу, требование введения конфессионального образования в противовес светскому, борьба с масонством и либерализмом. Однако были и существенные отличия, которые исключали даже тактический союз с церковными или православно-монархическими консерваторами. Консерваторам католического толка было свойственно монархическое охранительство, однако самодержавная власть в России трактовалась ими либо как «варварская», либо как «единственный европеец» в варварской

стране (в данном случае, позитивная оценка относилась к личности Александра I). Следует подчеркнуть и резко отрицательное отношение к православию представителей этого течения, публично, впрочем, тщательно вуалируемое. Католические консерваторы исходили из необходимости обратить Россию в католичество, разумеется, с одновременным признанием власти папы Римского. Сама Россия («нецивилизованная страна»), как и русский народ, рассматривались большей частью как «пушечное» мясо, которое надлежало использовать в интересах папы и европейских католиков-роялистов. В более поздний, нежели в рассматриваемый период, в наиболее концентрированной форме подобные умонастроения нашли отражения в «Философическом письме» П. Я. Чаадаева.

В данном случае мы затронули основные течения в русском консерватизме первой четверти XIX в. Их взаимодействие и борьба определили идейную атмосферу того времени, дальнейшую эволюцию русского консерватизма. Разумеется, выделение этих течений условно, консервативная идеология и практика были достоянием *отдельных лиц и кружков*, были по-преимуществу дисперсны, неотчетливы и аморфны, иногда были трудноотличимы от других направлений общественной мысли, что было естественно на этапе становления нового идейного направления в условиях авторитарного государства⁸⁹. Тем не менее, опыт предлагаемой типологии представляется полезным для историков русской консервативной мысли и всех тех, кто интересуется историей русской общественной мысли.

Глава III. Основные персоналии ранних русских консерваторов

ШИШКОВ, Александр Семенович (9.03.1754- 9.04.1841), русский государственный и общественный деятель, адмирал, один из представителей первого поколения русских православных консерваторов, поэт и филолог, сыгравший важную роль в становлении русского литературного языка. Род Шишковых вел начало от Микулы (Николая) Васильевича, по прозвищу Шишко, правнука Юрия Лозинича, который прибыл из Польши на службу к великому князю Тверскому Ивану Михайловичу в 1425 г. Шишков родился в семье инженера-поручика С. Я. Шишкова. Формирование мировоззрения Шишкова происходило в условиях патриархальной русской семьи, под влиянием чтения традиционной православной литературы: “Псалтыри”, “Часослова”, “Четьи-Миней”. Образование Шишков получил в Морском кадетском корпусе в Петербурге, будучи одним из лучших учеников. В корпусе Шишков изучал специальные науки, относящиеся к морскому делу, словесность, генеалогию, риторику, иностранные языки, познакомился с произведениями М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина и

других писателей-классицистов XVIII века, оставшись на всю жизнь их почитателем и подражателем. В 1771 г. вышел в гардемарины, а в 1772 г. окончил корпус в звании мичмана. В 1776 г. на фрегате “Северный Орел” совершил путешествие, длившееся три года. Шишков побывал в Италии, Греции и Турции. По возвращении Шишков был произведен в лейтенанты и с 1779 г. преподавал в морском кадетском корпусе морскую тактику, одновременно занимаясь литературной деятельностью, главным образом, переводами (например, французской мелодрамы “Благодеяния приобретают сердца”), составил англо-французско-русский морской словарь. Собственная литературная деятельность Шишкова началась с сочинения пьесы “Невольничество” (1780), в которой прославлялась Екатерина II, выкупившая за большую сумму из рабства у алжирских мусульман христианских невольников. Перевод с немецкого “Детской библиотеки” И. Г. Кампе, состоявшей из нравоучительных стихов и рассказов для детей, принес Шишкову всероссийскую известность, выдержав не одно переиздание, вплоть до 1830-х. По ней обучали дворянских детей грамоте. В книге были стихи и рассказы самого Шишкова. Кроме того, в дальнейшем Шишков писал торжественные оды, посвящения великим деятелям екатерининской и павловской эпохи, стихи в альбомы.

Литературные занятия Шишкова были прерваны русско-шведской войной 1788-1790 гг., в которой он командовал фрегатом “Николай” в чине капитана первого ранга. За участие в войне Шишков получил золотую саблю с надписью “За храбрость” и золотую, осыпанную бриллиантами табакерку. В 1793 г. Шишков преподнес великому князю Павлу Петровичу перевод с французского “Морской тактики”, снискав тем самым в дальнейшем его расположение. Вскоре после этого Шишков принял должность правителя канцелярии по морской части при князе Зубове. По вступлении на престол в 1796 г. император Павел I произвел Шишкова в капитаны 1-го ранга, пожаловал 250 душ в Кашинском уезде, а после коронации назначил его в эскадр-майоры при своей особе, а затем в генерал-адъютанты. По поручению императора Шишкова был отправлен в Вену, для вербовки на русскую службу офицеров и матросов. По не зависящим от него обстоятельствам Шишков не мог исполнить этого приказа и испросил разрешения Павла I на поездку в Карлсбад. Отпуск он получил, но с условием, что будет следить и доносить за находящимися в Карлсбаде русскими сановниками (Зубовым, Орловым, Разумовским), что возмущало и тяготило Шишкова. По возвращении в Россию в 1798 г. Шишкова постигла опала за то, что он, будучи на дежурстве, задремал и не заметил, как мимо него прошел император. Он был удален от двора, но вскоре после этого был уже назначен членом адмиралтейств-коллегии, произведен в вице-адмиралы и пожалован орденом Анны I степени.

Воцарение на престол Александра I Шишков приветствовал радостной одой, однако вскоре был глубоко разочарован либеральным и западническим курсом нового императора. Виновниками этого Шишков

считал воспитателя царя Ф.-Ц. Лагарпа и членов “Негласного комитета” – “якобинскую шайку”. Последних он обвинял в неопытности, отсутствии знаний отечественных традиций, законов и обрядов, в неразумном следовании за “духом времени”. По мнению Шишкова, “молодые друзья” императора были проникнуты новыми понятиями, возникшими из хаоса “чудовищной французской революции”. К учреждению министерств, в которых ключевые посты получила “якобинская шайка”, Шишков отнесся отрицательно, как и к реформам, разработанным либеральным реформатором М. М. Сперанским. Ссора с влиятельным морским министром П. В. Чичаговым, которого Шишков обвинил в отсутствии патриотизма, привела к новой опале. По удалении от двора Шишков всецело посвятил себя научной и литературной деятельности. Избранный в 1796 г. членом Российской академии Шишков погрузился в изучение русского языка и истории.

В этот период своей жизни Шишков заявил о себе как ведущем идеологе русских консервативно-националистических кругов. В наиболее полном виде его взгляды были изложены в “Рассуждении о старом и новом слоге российского языка”(1803). В “Рассуждении” Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, “заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку”⁹⁰. К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, главой которых тогда был Н. М. Карамзин и которые задались целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе сентиментальный “новый слог”, но и значительная часть русского высшего дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

Галломания являлась тяжелой духовной болезнью, поразившей русское общество. Шишков писал: “Они (французы. – *А. М.*) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Русскую песню”⁹¹. Всё это представлялось Шишкову чрезвычайно опасным для самой будущности русского государства и народа, поскольку: “ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством”⁹². Все это явилось следствием вытеснения или полного отсутствия национального воспитания. “Начало оного (“крайнего ослепления и заблуждения нашего”. – *А. М.*) происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще

многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?»⁹³ Подобное положение совершенно недопустимо, ибо означает, что французы, по сути дела, завладели Россией без единого выстрела и господствуют над ней. Возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ унижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением»⁹⁴.

Процессы всеобщей деградации, «растления», «заразы», по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это расценивалось Шишковым как своего рода подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России. Для национально ориентированных русских мыслителей фундаментальным началом народного воспитания язык был основой основ. Именно поэтому «Рассуждение» по форме представляло собой трактат филологического характера, хотя по сути было политическим манифестом.

Согласно Шишкову, заимствования из современных французских книг были недопустимы, ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во Французских книгах»⁹⁵. Причины подобного отношения Шишкова к французской литературе и французам определялись полным неприятием идей Просвещения и кровавым опытом Французской революции, реализовавшей на практике эти идеи. Оно носило идейный, консервативно-охранительный характер и было обусловлено стремлением противопоставить «просвещенческому проекту» собственную национальную русско-православную традицию, ядром которой выступал язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры.

Пафос критики Шишкова определялся его общей установкой, согласно которой современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной основе, ядром которой выступал церковнославянский язык, а также язык русских летописей, древнерусских литературных произведений и грамот. Согласно Шишкову, русский язык, через церковнославянский, является прямым «наследником» античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии. Противники Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из других языков. На деле он не отвергал в принципе самой возможности языковых влияний. Его взгляды на эту проблему выражались следующей формулой: «кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не

иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое так и свое название с равной ясностью употреблены быть могут»⁹⁶.

Недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам и отказа от собственных традиций, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые, например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах, изучения русского языка во всех его ипостасях (любопытно, что Шишков, при всей своей приверженности “высокому стилю” церковно-славянского языка одним из первых начал собирать народные песни, видя в них потенциальный источник для литературного языка), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии, борьба с галломанией и космополитизмом (“граждан света” Шишков причислял “к роду животных”, “извергов”, по его словам, космополиту “один ад стал бы ... рукоплескать”⁹⁷) - таковы основные составляющие национализма в православно-консервативной трактовке, данной Шишкова.

Представляется, что именно Шишков одним из первых в русской консервативной мысли высказал убеждение в необходимости если не тождества, то максимального возможного сближения церковной и светской культурных традиций (в том числе и языковых), в необходимости опоры культуры на Священное Предание. Подобное убеждение стало, в конечном итоге, одной из магистральных линий русской консервативной мысли.

С 1805 г. издаются “Сочинения и переводы”, где Шишков наряду с оригинальными и переводными произведениями поместил свой перевод “Слова о полку Игоревом” с обширными комментариями. С февраля 1807 г. по инициативе Шишкова начали собираться литературные вечера, которые с 1810 г. стали публичными и получили название “Беседы любителей русского слова”, где, по свидетельствам современников, обсуждались не только вопросы литературы, но и общественно-политические проблемы, волновавшие тогда всю мыслящую Россию. Среди них были Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. С. Хвостов и др. Большинство активных членов общества были сторонниками самобытности русской культуры. Деятельность “Беседы” продолжалась до 1816 г., не ограничиваясь лишь вопросами и проблемами культуры. Целью “Беседы” было укрепление в русском обществе патриотического чувства при помощи русского языка и словесности. “Беседа” издавала собственные “Чтения в Беседе любителей русского слова”, где публиковались в основном сочинения Шишкова, такие, как “Рассуждение о красотах Святого Писания”, “Разговоры о словесности” и “Прибавление к разговорам”.

В 1811 г. была написана работа Шишкова “Рассуждение о любви к Отечеству”. В ней Шишков вновь резко критиковал галломанию и

космополитизм русского общества. На сей раз взгляды Шишкова оказались востребованы высшей властью и обществом. “Рассуждение” обратило на Шишкова внимание Александра I. 9 апреля 1812 г. Шишков был назначен на пост государственного секретаря вместо М. М. Сперанского, которого постигла опала. На этом посту Шишков должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг канцелярии Александра.

Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он блестяще выполнил роль своего рода главного идеолога Отечественной войны 1812 г. Его манифесты, являясь откликами на все ее важнейшие события, поднимали дух русского народа, усиливали и укрепляли его патриотический дух, поддерживали в тяжелые дни поражений. Впоследствии Шишков собрал их и выпустил отдельным сборником.

По окончании войны в декабре 1812 г. Шишкову был пожалован орден св. Александра Невского за “примерную любовь к отечеству”. В 1813-14 гг. Шишков сопровождал русскую армию в заграничном походе. В августе 1814 г. император освободил Шишкова от должности государственного секретаря по состоянию здоровья. Одновременно Шишков был назначен членом Государственного Совета. Кроме того, Шишков был назначен в 1813 г. президентом Российской академии (до 1841). На этом посту Шишков ратовал за то, чтобы Российская Академия стала базой для развития отечественных наук и просвещения, центром русской духовности и патриотизма. Кадровая политика Шишкова в Академии состояла в том, чтобы собрать в нее всех патриотически настроенных русских ученых. В 1818 г. по его предложению был избран членом Академии Карамзин, политические взгляды и литературные вкусы которого к тому времени существенно сблизились с шишковскими под влиянием занятий русской историей. Кроме того, Шишков уделял большое внимание развитию филологической науки. В своих трудах он пытался доказать, что все языки имеют один общий корень, исходящий из славянского языка. Поэтому заимствования из иностранных языков нелепы и недопустимы, так как в русском языке всегда можно найти замену иностранному слову. Шишков одним из первых осуществил попытку организовать кафедры славяноведения при российских университетах, создать славянскую библиотеку, в которой бы были собраны памятники литературы на всех славянских языках и все книги по славяноведению, вел переписку с славянскими учеными.

Одновременно Шишков активно выступал против деятельности министерства духовных дел и народного просвещения и Российского Библейского общества и возглавлявшего их князя А. Н. Голицына, который являлся, по его мнению, одним из виновников упадка нравственности, “разгула свободомыслия” и протестантского мистицизма в России. В 20-е гг. XIX в. Шишков стал одним из главных идеологов “русской православной партии”, которая начала борьбу с Голицыным и в которую

также входили А. А. Аракчеев, митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), М. Л. Магницкий и ряд других менее известных фигур. Им удалось добиться отставки Голицына. 15 мая 1824 г. Шишков получил пост министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий. В сентябре-ноябре 1824 г. он представил императору Александру I несколько записок, обосновывающих необходимость закрытия Библейского общества. Шишков возражал против переводов Священного писания с церковнославянского на современный литературный язык, видя в этом кощунственный перевод сакральных текстов с “языка церкви” на “язык театра”. Он смог добиться запрета катехизиса митрополита Филарета (Дроздова), поскольку тот был написан на литературном, а не на церковнославянском языке. Шишков также доказывал необходимость изъятия из обращения и уничтожения книг, изданных Библейским обществом. Стараниями Шишкова и его единомышленников к концу 1824 г. практически прекратили свою работу “Известия” общества, остановился перевод Библии, а в 1825 г. было прервано издание Библии на русском языке. Окончательно деятельность Библейского общества была ликвидирована в царствование Николая I, под впечатлением событий 14 декабря 1825 г. Шишков был членом Верховного суда над декабристами и, будучи человеком милосердным, выступил за некоторое смягчение наказаний для государственных преступников, что, однако, во внимание принято не было.

Стараниями Шишкова 10 июня 1826 г. был принят новый устав о цензуре (на либеральном жаргоне - “чугунный”). Согласно этому уставу запрещались все исторические сочинения, если в них оказывалось неблагоприятное расположение к монархическому правлению, запрещались любые попытки прямого или косвенного оправдания каких-либо государственных возмущений, специально оговаривалось запрещение сочинений Руссо, Дидро, Монтескье, Гельвеция и других французских “просветителей”. Авторам вменялось в обязанность выводить “спасительные поучения” из рассказов о революции и обнаруживать благоприятное расположение к монархическому правлению. Устав, направленный прежде всего против распространения революционных и мистических идей, вызвал недовольство и вполне благонамеренных литераторов. Так, С. Н. Глинка острил, что руководствуясь уставом Шишкова, “можно и Отче наш перетолковать якобинским наречием”. В 1828 г. шишковский цензурный устав был смягчен.

Политические убеждения и литературные интересы Шишкова заставляли его принимать близко к сердцу вопросы народного просвещения. Отсутствие национального духа было, по его убеждению, источником ложного направления всей русской послепетровской культуры. Главную задачу воспитания Шишков видел в том, чтобы вложить в душу ребенка “огонь народной гордости”, “огонь любви к Отечеству”, и это могло обеспечить, с его точки зрения, только воспитание национальное,

развивающее знания на родной почве, на родном языке. Народное образование должно быть национальным - таков был основной идеал Шишкова. Новая учебная система должна была основываться на следующих принципах: “Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков должно быть русское ... Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним и вредных умствований. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено...”⁹⁸ Предпочтение должно было отдаваться преподаванию русского языка, отечественной истории и права. “Устав гимназий и училищ уездных и приходских”, утвержденный окончательно 8 декабря 1828 г., считался одним из главных плодов шишковского министерства. В отличие от либерального устава 1804 г. в основе нового устава лежала идея сословного образования. На посту министра народного просвещения Шишков пробыл четыре года. В конце апреля 1828 г. он был освобожден от этой должности “по преклонности лет и по расстроенному здоровью”, сохранив звание члена Государственного Совета и президента Российской Академии.

В последние годы жизни он занимался еще своими филологическими изысканиями и другими трудами, но деятельность его постепенно угасала. Он был похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге.

Идеи Шишкова оказали значительное влияние на литературу, просвещение, политику, идеологию. Несомненно, знаменитая уваровская формула: «православие, самодержавие, народность», восходит к идеям Шишкова.

РОСТОПЧИН, Федор Васильевич (12.03.1763. д. Ливны Орловской губ. – Москва. 18.01.1826), граф, обер-камергер, Главнокомандующий Москвы в 1812-1814 гг., член Государственного Совета, выдающийся консерватор первого поколения, идеолог русского национализма. Семейное предание Ростопчиных считало родоначальником своей фамилии прямого потомка Чингизхана, Бориса Давыдовича Ростопчу, выехавшего из Крымской Орды на Русь в начале XVI в. при великом князе Василии Ивановиче. Отец Ф.В. Ростопчина, Василий Федорович, был зажиточным помещиком, владельцем имений в Орловской, Тульской и Калужской губерниях. Мать Ростопчина, урожденная Крюкова, умерла в 1766 г. после рождения второго сына. Ростопчин получил хорошее домашнее образование и воспитание, знание языков. При этом, хотя его преподавателями были часто сменявшиеся иностранцы, он все же остался русским по духу, «помня поучения священника Петра и слова мамки Герасимовны»⁹⁹.

В 1773 г., будучи 10-летним мальчиком, Ростопчин был зачислен на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Фактически служба его началась в 1782 г., когда Ростопчин получил чин прапорщика. В 1786-1788 гг. он предпринял длительную поездку за границу, посетив Германию,

Францию и Англию. В Берлине Ростопчин брал частные уроки математики и фортификации, в Лейпциге посещал лекции в университете. После Германии Ростопчин некоторое время провел в Англии, где сблизился с князем С. Р. Воронцовым, с которым впоследствии состоял в постоянной переписке и который способствовал первым шагам карьеры Ростопчина. Вернувшись в 1788 г. в Россию накануне русско-шведской войны 1788-1790 гг., он несколько месяцев находился при главной квартире русских войск в Фридрихсгаме. Летом 1788 г. в качестве волонтера Ростопчин отправился в поход против турок и участвовал в штурме Очакова, в сражениях при Рымнике и Фокшанах. Около года Ростопчин служил под начальством А. В. Суворова, который в знак своего расположения подарил ему походную военную палатку. В 1790 г. Ростопчин вторично принял участие в Финляндском походе. Командуя гренадерским батальоном, он был представлен к Георгиевскому кресту, который, однако, не получил.

В 1791 г. Ростопчин, при посредничестве С. Р. Воронцова, сблизился с канцлером А. А. Безбородко. В ходе Ясской конференции он был помощником Безбородко и участвовал в составлении журнала и протоколов конференции. В феврале 1792 г. Ростопчин, по представлению Безбородко, по приезде в Петербург получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Он был принят при дворе и вхож в великосветские салоны. Ростопчин приобрел репутацию придворного остролиста, его шутки и остроты были широко известны. С 1793 г. он был прикомандирован на службу при малом дворе великого князя Павла Петровича в Гатчинском дворце. Ростопчин ревностно относился к своим служебным обязанностям и был замечен Павлом. В 1794 г. он сочетался браком с Екатериной Петровной Протасовой, племянницей камер-фрейлины императрицы Екатерины II, графини А. С. Протасовой. Вскоре карьера Ростопчина на короткое время пресеклась из-за его конфликта с сослуживцами, который едва не привел к дуэли. Конфликт этот был вызван добросовестным отношением к службе Ростопчина. По распоряжению Екатерины II Ростопчин вынужден был на год покинуть Петербург и поселиться в имении отца в Орловской губернии. Ссылка эта сыграла важную роль в судьбе Ростопчина, поскольку привлекла к нему благосклонность и доверие Павла Петровича, который с этого времени стал считать Ростопчина лично преданным ему человеком. По возвращении через год из ссылки Ростопчин становится любимцем Павла, необходимым ему «как воздух». За несколько дней до смерти императрицы Ростопчин получил от наследника орден Анны 3-й степени. Именно он первым сообщил Павлу о смерти Екатерины II. В течение нескольких последующих дней после кончины императрицы произошел крутой взлет карьеры Ростопчина. Он был назначен генерал-адъютантом Павла I. Помимо этого, он был награжден орденами св. Анны 1-й и 2-й степени, в 1797 г. он получил орден св. Александра Невского, а в 1798 г. – чин генерал-лейтенанта.

Заведую воинской частью, по поручению императора Ростопчин осуществил редакцию Военного устава по прусскому образцу.

В начале 1798 г. последовала неожиданная отставка Ростопчина, который был вынужден выехать в свое имение. Ссылка явилась результатом происков «немецкой партии» императрицы Марии Федоровны и фаворитки Павла I Е. И. Нелидовой, с которыми Ростопчин не поладил. В свою очередь, Ростопчин принял участие в интриге, возглавляемой обер-штабмейстером И. П. Кутайсовым, целью которой было оградить Павла I от влияния Марии Федоровны и Е. И. Нелидовой, для чего они способствовали смене Нелидовой новой фавориткой А. П. Лопухиной.

Результат этой интриги быстро сказался, опала, продолжавшаяся несколько месяцев, закончилась. Уже в августе 1798 г. Ростопчин был вновь принят на службу при дворе и осыпан милостями, в числе которых были получение титула графа и назначение вице-канцлером. Хотя Ростопчин не имел официального звания «канцлер», он фактически исполнял его обязанности. Кроме того, Павел I пожаловал Ростопчину в течение своего царствования всего более 3000 душ в Орловской и Воронежской губерниях и особо 33 тысячи десятин земли в Воронежской губернии.

Ростопчин принимал активное участие в подписании ряда международных договоров России, ведал перепиской императора с А. В. Суворовым, часто служа буфером между фельдмаршалом и Павлом. В сентябре 1800 г. Павел I поручил Ростопчину написать предложения о внешнеполитическом курсе России. В результате появилась записка «О политическом состоянии Европы». Ростопчин предлагал разорвать союз с Англией, создать союз с наполеоновской Францией и осуществить раздел Турции¹⁰⁰. Главная мысль записки заключалась в том, что в результате войны с Францией 1799 г. в выигрыше остались Англия, Пруссия и Австрия, но не Россия. Давая характеристику ведущих стран Европы, Ростопчин приходил к выводу, что почти все они «скрытно питают зависть и злобу» к России¹⁰¹. Она должна бдительно следить за ними и, когда ей выгодно, использовать противоречия между ними. Ростопчин считал, что союз с наполеоновской Францией позволит ослабить Англию и осуществить раздел Турции, в результате Франция должна была получить Египет. К разделу Османской империи он предлагал привлечь Пруссию и Австрию. При этом России должны были достаться Румыния, Болгария, Молдавия и Греция.

Таким образом, Ростопчин был одним из первых, кто предложил во внешней политике руководствоваться национальными интересами России, а не субъективными династическими предрасположениями. Положения его записки были частично реализованы в последние месяцы царствования Павла I: в сентябре 1800 г. было введено эмбарго на английские суда.

Кроме того, деятельность Ростопчина подготовила почву для присоединения Грузии к России. Он являлся автором записки, в которой

предлагал включить Грузию в состав Российской империи, предоставив ей известную автономию.

Обязанности Ростопчина были многообразны и отнюдь не сводились только к ведению внешнеполитических дел. Так, выполняя обязанности директора почтового департамента, он способствовал развитию в России сети почтовых станций. Наряду с этим, с 1799 г. Ростопчин заведовал делами по бракосочетаниям. Кроме того, он способствовал утверждению императором Регламента для церквей и монастырей католической церкви в России, который наносил ощутимый удар по деятельности иезуитов. Еще ранее ему удалось добиться запрещения на проведение съездов католического духовенства.

Несмотря на все бесспорные заслуги Ростопчина, в феврале 1801 г. вновь последовала опала, на этот раз надолго. Удаление Ростопчина было организовано П. А. Паленом, который, подготавливая заговор против Павла I, убирал с дороги тех лиц, которые могли бы помешать осуществлению его планов. Перед самой смертью Павел I отправил Ростопчину депешу: «Вы нужны мне, приезжайте скорее»¹⁰². Ростопчин отправился в путь, но, не доехав до Москвы и получив известие, что Павла I не стало, вернулся в свое подмосковное имение. В результате опалы, постигшей Ростопчина, ему пришлось на одиннадцать лет удалиться с арены государственной деятельности. Он открыто осуждал Александра I в перевороте, приведшем к гибели его отца, и категорически не принимал либеральных реформ, связанных с деятельностью так называемого Негласного комитета и М. М. Сперанского. Ростопчин прожил эти годы большей частью в своем имении Вороново. В деревне он увлекся новейшими методами в сельском хозяйстве: стал экспериментировать в этой области, использовать новые орудия и удобрения, специально выписал из Англии и Голландии породистый скот, сельскохозяйственные машины и агрономов, создал специальную сельскохозяйственную школу. Ему удалось достичь значительных успехов, к примеру, вывести породу лошадей, которая называлась «Ростопчинской». Но постепенно он разочаровался в западноевропейских методах ведения хозяйства и стал защитником традиций русского земледелия. В 1806 г. Ростопчин опубликовал брошюру «Плуг и соха», в которой доказывал невозможность введения в России фермерских хозяйств.

К 1806-1807 гг. относится изменение во внешнеполитических симпатиях Ростопчина. Россия в это время становится ключевой участницей неудачных антинаполеоновских коалиций, приведших к военным поражениям и подписанию позорного для России Тильзитского мира (1807 г.). Если раньше он выступал за союз с Францией, то теперь становится категорическим его противником, считая, что в изменившихся условиях это противоречит национальным интересам России. В декабре 1806 г. он направил Александру I письмо, в котором призывал императора выслать большинство французов из России: «Исцелите Россию от заразы и, оставя лишь духовных, прикажите выслать за границу сонмище

ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных наших». В этот период Ростопчин наряду с А. С. Шишковым становится одним из лидеров в борьбе с дворянской галломанией. В 1807 г. вышел его знаменитый памфлет “Мысли вслух на Красном крыльце...”, имевший шумный успех в обществе. Это был своего рода манифест складывающегося русского национализма. Основная мысль этого произведения носила антифранцузскую направленность: «Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси»¹⁰³. Причиной столь резких суждений был кровавый опыт Франции, бьющейся почти два десятилетия в судорогах революции, террора и захватнических войн, начиная с 1789 г. Ростопчин писал о французах особым, «народным» языком: «Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! – отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали – то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить, ...приговаривая: “После спасибо скажете”. А там явился Бонапарт...шикнул, и все замолчало. Погнал Сенат взашей, забрал все в руки, запряг и военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать, и наконец кричать: “Шабаш республика!” Давай Бонапарта короновать, а ему настать. Вот он и стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть: плакать и кряхтеть; а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из угла в угол и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарту – кочерга»¹⁰⁴.

Обличая галломанию русского общества, Ростопчин, вслед за Шишковым, указывал на необходимость искать примеры для подражания в собственном русском национальном опыте: «Чего у нас нет? Всё есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый....А какие великие люди в ней (России. – А. М.) были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меншиков, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом – Дашкова; министры: Панин, Шаховской, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они

знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского»¹⁰⁵.

Ростопчинские «Мысли...» были изданы неслыханным для того времени тиражом в семь тысяч экземпляров. Основные идеи ростопчинского манифеста получили развитие в других его произведениях: повести "Ох, французы!", комедии "Вести, или Убитый Живой» и др. Успех «Мыслей» побудил литератора и историка С. Н. Глинку начать издание журнала «Русской Вестник», который стал влиятельным органом русских патриотов. В 1812 г. Глинка получил на издание 300 тысяч рублей от императора через Ростопчина.

Благодаря своей литературной деятельности Ростопчин выдвинулся в первые ряды так называемой "русской партии"¹⁰⁶ или партии "старых русских"¹⁰⁷. Главным центром "русской партии" был тверской салон любимой сестры Александра I – «тверской полубогини» (выражение Н. М. Карамзина) великой княгини Екатерины Павловны, которая противостояла либеральным устремлениям своего царственного брата и Сперанского. После публикации «Мыслей вслух...» Ростопчин стал желанным гостем в ее салоне. Екатерина Павловна поставила себе задачей сблизить Ростопчина с императором. В ноябре 1809 г. Александр I посетил сестру в Твери и имел продолжительную беседу с графом. Результаты этого разговора не замедлили сказаться. 24 февраля 1810 г. Ростопчин был назначен обер-камергером и членом Государственного Совета.

В 1811 г. Ростопчин подготовил и через великую княгиню Екатерину Павловну передал императору Александру I "Записку о мартинистах". Коротко изложив в ней историю русского масонства, Ростопчин утверждал, что рядовые члены масонских лож являлись жертвами обмана, которые «надеялись приобрести царствие небесное, куда их прямо введут их руководители, которые проповедывали им пост, молитву, милостыню и смирение, присваивая себе их богатства, с целью очищения душ и отрешения их от земных благ»¹⁰⁸. В царствование Екатерины II масоны планировали убийство императрицы, о чем Ростопчин сообщил Павлу I, нанеся тем самым, говоря его словами, "смертельный удар" мартинистам, после чего их руководители подверглись преследованиям. Покровителем масонов в царствование Александра I, по утверждению Ростопчина, стал М. М. Сперанский, "который не придерживаясь в душе никакой секты, может быть и никакой религии (в этом Ростопчин ошибался, Сперанский увлекался мистикой масонского толка. – А. М.), пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя"¹⁰⁹. Начиная с 1806 г., после поражений русской армии от Наполеона, масоны "возбудили мысль о необходимости изменить образ правления и о праве нации избрать себе нового государя"¹¹⁰. Ростопчин высказывал уверенность в том, что "Наполеон, который всё направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном"¹¹¹. Более того, руководители русских масонов "поставили себе целью произвести

революцию, чтоб играть в ней видную роль, подобно негодям, которые погубили Францию и поплатились собственной жизнью за возбужденные ими смуты¹¹²». Исходя из вышесказанного, Ростопчин настаивал на необходимости принятия "строгих мер против общества, которое таинственностью своею должно привлечь внимание правительства и побудить к новому его распущению¹¹³". «Записка о мартинистах» была направлена прежде всего против М. М. Сперанского, в опале которого Ростопчин сыграл известную роль.

Незадолго до начала Отечественной войны Екатерина Павловна добила того, что 29 мая 1812 г. Ростопчин был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем состоялось его назначение московским генерал-губернатором. Ему был также дарован титул московского главнокомандующего. Таким образом Александр I хотел заручиться поддержкой «русской партии» в критический для России момент. На Ростопчина, наряду со всем прочим, возлагалась задача возбудить в Москве перед войной патриотические настроения: «действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и подготавливать его ко всем жертвам для спасения отечества»¹¹⁴. Для выполнения данной миссии Ростопчин выпускал «афиши», информирующие и разъясняющие народу происходящие в стране события. Такие публикации в то время были явлением беспрецедентным и оказывали сильное влияние на население. Название "афиши" они получили оттого, что разносились по домам, как театральные афиши. Это были своего рода "мысли вслух", написанные в характерном для Ростопчина «народном» ярком стилем. Ими московский главнокомандующий хотел успокоить народ, вселить в него уверенность в русской армии, показать, что "побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да тех старики наши так откачали, что и по сию пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости"¹¹⁵. Ростопчин сознательно преувеличивал известия о победах русских войск, старался сгладить сообщения о поражениях, стремясь не допускать возникновения беспорядков и грабежей, распространения панических и пораженческих настроений. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: «слова его были по сердцу народу русскому»¹¹⁶. Что касается дворянского общества, то здесь отношение к афишам было неоднозначным. М.А. Дмитриев, называя их "мастерской, неподражаемой вещью", писал, что Ростопчина тогда "винили в публице: и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным"¹¹⁷.

Немалую роль сыграл Ростопчин в создании народного ополчения и сборе пожертвований на нужды армии. Он возглавил комитет для организации ополчения в Москве и ближайших ней губерниях. Кроме формирования ополчения Ростопчин занялся снабжением русской армии, отступавшей к Москве, размещением и лечением раненых. Ростопчина принято обвинять в сдерживании покидающего город населения, в позднем и неполном вывозе государственного имущества, в нерациональном использовании транспорта. Однако все эти

обстоятельства были вызваны прежде всего тем, что М. И. Кутузов вплоть до 1 сентября 1812 г. заверял Ростопчина в невозможности сдачи Москвы. 2 сентября 1812 г., в день оставления Москвы, по приказу Ростопчина был казнен купеческий сын М. Н. Верещагин, выданный на растерзание толпе. Верещагин ранее был арестован за распространение «прокламаций»: письма Наполеона к прусскому королю и речи, произнесенной Наполеоном перед князьями Рейнского союза в Дрездене¹¹⁸, в которых содержались антирусские высказывания и утверждалось, что меньше чем через полгода Наполеон займет обе русские столицы. На следствии Верещагин первоначально показал (потом он отказался от этих показаний), что получил эти материалы от сына московского почт-директора видного масона Ф. П. Ключарева, в котором Ростопчин видел крайне опасную личность. Попытка Ростопчина выяснить, кто мог дать иностранные газеты, из которых якобы были сделаны переводы, Верещагину, окончательно убедила Ростопчина в виновности Ключарева: тот не только не пустил в здание Почтамта посланного Ростопчиным для выяснения обстоятельств полицмейстера, но завел к себе в кабинет бывшего с полицмейстером Верещагина и долго с ним беседовал. Всё это побудило Ростопчина писать Александру I об опасности, исходящей от масонов и Ключарева, и даже угрожать отставкой, если против них не будут приняты меры: «эта секта не может удержать своей ненависти к вам и России и своей преданности неприятелю...Осмеливаюсь просить вас, Государь, в случае если вы найдете нужным оставить здесь Ключарева, прислать другого на мое место; потому что я почту себя недостойным занимать его с честью¹¹⁹». В ходе следствия над Верещагиным Ростопчин арестовал Ключарева и сослал его в Воронеж. Публичная же казнь Верещагина, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, была в дальнейшем использована противниками Ростопчина для того, чтобы скомпрометировать его в глазах царя и дворянского общества. Следует заметить, что Ростопчин действительно значительно превысил свои полномочия, поскольку Сенат приговорил Верещагина не к смертной казни, а к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь.

3 сентября, после занятия французами Москвы, вспыхнул грандиозный пожар, продолжавшийся до 8 сентября и уничтоживший девять десятых города. В силу ряда обстоятельств, до конца жизни Ростопчин скрывал свою определяющую роль в этом событии. Ныне же большинство историков, причем различных направлений и политических убеждений, склоняются к версии, что именно он подготовил все необходимые условия для этой акции: снарядил небольшую команду полицейских – поджигателей и вывез из Москвы все пожарные принадлежности. Сожжение Москвы имело огромное стратегическое и моральное значение и повлияло на весь дальнейший ход войны. Наполеон не смог найти в древней столице ни жилья, ни продовольствия для своей армии, ни достаточного количества изменников и предателей для

деморализации русского общества, армии и народа. В этом – бессмертная заслуга Ростопчина, делающая его одним из центральных деятелей Отечественной войны 1812 г.

В течение двух последующих лет Ростопчин оставался на посту московского главнокомандующего. Деятельность его проходила в исключительно сложных условиях. Его обвиняли в гибели имущества огромного количества семей, при этом забывали, что он оставил на разграбление в Москве два дома с имуществом на полмиллиона рублей и собственноручно сжег свое богатейшее поместье Вороново, чтобы оно не досталось французам. В эти годы он занимался восстановлением Москвы, вывозом из города и захоронением огромного количества конских и людских трупов, предотвращением возможности эпидемий, организацией помощи пострадавшим от пожара московским жителям, предотвращением мародерства и грабежей и т.д. 30 августа 1814 г. Ростопчин был отправлен в отставку с назначением в члены Государственного Совета. Большую часть последних лет своей жизни Ростопчин провел за границей для лечения (он потерял здоровье в результате неимоверного напряжения, которое перенес в 1812-1814 гг.). За границей Ростопчин пользовался огромной популярностью: его приглашали на аудиенции прусский и английский короли, его именем называли улицы и площади, повсюду продавались его портреты, его освобождали от уплаты за гостиницы и т.д. Он вернулся в Россию лишь за два года до смерти. В 1823 г. по его просьбе он был уволен с должности члена Государственного Совета. Будучи тяжело больным и полностью оторванным от политической деятельности, Ростопчин не терял присутствия духа и нередко отзывался на текущие события остроумными афоризмами. К примеру, известен его отклик на события 14 декабря 1825 г.: "В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками"¹²⁰. Через несколько недель после «декабристского» мятежа Ростопчин скончался и был похоронен на Московском Пятницком кладбище.

ГЛИНКА, Сергей Николаевич (лит. псевд.: Г-а, С-й; Гл., С.; Издатель «Русского Вестника»; Мечтатель; Отставной кадет; Первый ратник Московского ополчения С.Г.; С.Г.; С-й Г.)(5.(16).7. 1776 с. Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губ.– 5(17).4. 1847, Петербург, Волково кладбище), литератор, журналист, русский консерватор первого поколения. Родился в патриархальной дворянской семье. Учился в Сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге с 1782 г. В 1795 г. Глинка вышел из корпуса в гвардию поручиком и начал службу в Москве. В конце 1800 г. Глинка вышел в отставку в чине майора. После смерти матери он отказался от своей доли наследства, в том числе крепостных крестьян. В 1802 г. Глинка уехал в Малороссию, где в течение трех лет работал учителем в Харьковской губернии. По возвращении в Москву работал в театре в звании «переводчика и сочинителя». Период с 1806 г. по

1810 г., а также 1817 г. был временем драматургического творчества Глинки, в эти годы им был создан ряд драм и опер. В условиях войн против Наполеона, породивших всплеск национализма в русском обществе, сочинения Глинки, проникнутые патриотизмом, имели большой успех. В 1811 г. он по предложению А. Ф. Мерзлякова был избран действительным членом Общества любителей русской словесности.

После заключения Тильзитского мира (1807) Глинка выступил в роли публициста и издателя. В первом номере издаваемого им «Русского вестника» была изложена программа нового издания: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество, на сем единодушном стремлении основано общее благо.... Замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и пр., мы будем противопоставлять им не вымыслы романтические, но нравы и добродетели праотцев наших... «Русской вестник» посвящается русским»¹²¹. «Русский Вестник» стал журналом, который наиболее ярко и полно выразил основные идеи национально-консервативного направления того времени. В нем рассматривался самый широкий круг проблем: от религиозно-философского осмысления мира до проблем воспитания детей в «русском духе». Полемически заострив название своего журнала против «Вестника Европы» Н. М. Карамзина, Глинка поначалу в своих статьях стремился пробудить интерес к отечественной культуре и доказать, что она имеет такое же право на существование, как и культура всякого другого народа. В журнале популяризовались образы русских выдающихся людей, героев и гениев. Одной из центральных идей Глинки являлась та, что русская культура еще до Петра I обладала высокой мощью и самобытностью, а потому не нуждается в каких-либо заимствованиях и должна идти по своему собственному. Глинка подвергал критике русское дворянство за галломанию, которая появилась в результате воздействия иностранных мод, роскоши и воспитания и, как он считал, являлась переходной формой к либерализму и прямой революционности. Результатом повальной галломании, согласно Глинке, было то, что «в недрах его (Отечества. – А. М.) возникло общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную. Кто суть члены сего общества? Большая часть помещиков и богатых людей»¹²². Главным средством от галломании, порождавшей испорченность нравов, Глинка называл добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемой Глинкой допетровской эпохе. Средствами от галломании должны были стать «русское воспитание», стержнем которого являлись изучение мифологизированной в героическом стиле русской истории, обращение к «старине» и русскому прошлому, отказ от французских мод и предметов роскоши, разоряющих русское дворянство и приводящих к порче общественной нравственности, филантропия. Во многом аргументы Глинки повторяли и развивали соответствующие взгляды А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина.

С ростом антифранцузских настроений Глинка начал развивать идею о превосходстве всего русского перед иностранным, прежде всего французским. С ростом военной угрозы со стороны Наполеона в «Русском Вестнике» стали часто публиковаться статьи на военную тему. В журнале сотрудничали Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, Е. Р. Дашкова, Ф. В. Ростопчин, Ф. Н. Глинка и др.

В эпоху борьбы с Наполеоном публицистика Глинки находила отклик у читателей, «Русский Вестник» был весьма популярен, его тираж доходил до 800 экз. Журнал был внеправительственным печатным органом, а в 1808-11 гг. его антифранцузская ориентация имела оппозиционный характер. Отечественная война стала временем наибольшей популярности Глинки, именно в это время масштабы его деятельности, общественной и публицистической, были особенно велики. Он был пожалован высочайшим рескриптом в кавалеры ордена св. Владимира четвертой степени за «любовь к отечеству», «доказанную сочинениями и деяниями». Кроме того, ему были вручены 300 тыс. руб. на издательскую деятельность, сумма по тем временам огромная. Глинка не только не потратил ни рубля казенной субсидии, напротив, заложил драгоценности своей жены для того, чтобы снарядить в ополчение около двадцати человек. По окончании войны деньги были возвращены Глинкой в казну.

В 1812 г. антифранцузская направленность «Русского Вестника» резко усилилась. Наполеон выступал на страницах «Русского Вестника» как «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны»¹²³. Глинка утверждал: «Все разноплеменные народы, игу его поработанные, хочет он претворить не в прежних французов, но во французов людоедов, порожденных адской революцией...от самого младенчества в каждом подданном Бонапарте истребляется все человеческое и поселяется все зверское»¹²⁴. С особо резкой критикой Глинка выступал против французских просветителей XVIII в. – Вольтера, Дидро, д'Аламбера, которых он называл «лжеумствователями осьмагонадесять столетия». Одновременно с материалами антифранцузского содержания Глинка публиковал статьи, оды и гимны, где воспевал героизм русского народа и армии в войне против Наполеона.

По окончании Отечественной войны, в связи с изменением умонастроений русского общества, приведшим к возникновению декабризма, Глинка подвергся уничижительной и иронической критике в стихах А. Ф. Воейкова и К. Н. Батюшкова. Тираж «Русского Вестника» начал неуклонно сокращаться, с 1821 г. он стал выходить с перерывами. Издание его продолжалось до 1826 г. Публицистика на страницах «Русского Вестника» вытесняется сюжетами из русской истории. В 1816 г. Глинка начал печатать в «Русском Вестнике» первые части «Русской истории в пользу семейного воспитания», которая, будучи написанная увлекательно и легким стилем, имела определённый успех и выдержала три издания. «Русская история» в значительной степени отразила политические взгляды Глинки, его «русскость», национализм и монархизм.

История воспринималась Глинкой с точки зрения дидактики как «училище народной нравственности», ее изучение призвано было формировать общественную мораль, патриотическое чувство и национальную гордость. Глинка считал также обязательным компонентом письменной истории эстетическую составляющую: историк обязан был писать легко и красиво, пробуждая, таким образом, национальный дух. Глинка утверждал, что название «славяне» происходило от слова «слава», варяго-русы и Рюрик принадлежали к славянам и т.д. Главная цель изучения русской истории, согласно Глинке, – познание «национального духа». Коренным началом русского духа, по Глинке, является самодержавие, которое было благотельно в том случае, если монарх руководствовался верой и общей пользой, но могло служить и причиной смут, если монархом, например, Иваном Грозным, овладевали своеволие и личные страсти. Носителем «русскости» и добродетели в труде Глинки выступало простонародье, избегнувшее иностранного влияния и не руководствующееся в своих поступках эгоистическими интересами. Соответственно, Глинка избегал исторической критики источников, отдавая предпочтение прямому мифотворчеству, морализаторству и допуская модернизацию исторических событий.

Период с конца 1819 г. до сентября 1823 г. был особенно тяжелым в материальном отношении для Глинки, он был вынужден перебиваться случайными литературными заработками. Третье издание «Русской истории» не принесло дохода, особенно после отрицательной рецензии Н. А. Полевого о ней в «Московском телеграфе». Однако в судьбу Глинки вмешался министр просвещения А. С. Шишков. В конце 1824 г. он писал Глинке, что «Российская академия не преминет обратить внимание» на его «Историю». Его поддержал Н. М. Карамзин, находивший, что «Русская история» Глинки «по изложению происшествий и по нравственной цели заслуживает быть классической книгой»¹²⁵. Глинке была выдана денежная премия за третье издание «Истории», погасившая значительную часть его долгов. В 1827 г. Глинка был назначен цензором. Служба его продолжалась до 1830 г. Глинка подписывал рукописи к печати, не читая их, что приводило к конфликтам с Московским цензурным комитетом. После временного ареста Глинки он был уволен в отставку с назначением пенсии. После отставки Глинка переехал в Петербург, где он пользовался поддержкой Шишкова и В. А. Жуковского и продолжал литературную деятельность. Его «Записки», которые публиковались частями с 1830-х – одно из лучших мемуарных произведений того времени. В последние годы жизни Глинка ослеп. Умер он 5 апреля 1847 г. и был похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Консервативный проект Глинки своими чертами совпадал с соответствующими проектами А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина и Ф. В. Ростопчина, но при этом имел свою специфику. Отталкиваясь от атеистической и материалистической идеологии Просвещения, Глинка выдвинул в противовес ей триединую формулу «Бог. Вера. Отечество».

Общественно-политические и философские взгляды Глинки базировались на христианском миропонимании, которое предполагало жесткое следование принципам православной морали. Для него было характерно уподобление всех социальных отношений семейным, когда Бог рассматривался как отец всего человечества, монарх, - как отец своих подданных, начальник (помещик, полководец, чиновник и т.д.) – своих подчиненных. Государство представляло в изображении Глинки большую семью, где царит гармония и где все члены бескорыстно служат друг другу. Отношения взаимного подчинения образуют сложную общественную иерархию, когда каждый человек добровольно выполняет свои функции, видя в этом высший долг. При этом на монарха ложится наибольшая ответственность, в сравнении с его подданными. Подобные взгляды в какой-то мере предвосхищали модель государственного устройства, впоследствии наиболее разработанную в русской консервативной мысли К. П. Победоносцевым.

Дворянство, по Глинке, только тогда заслуживает звание «благородного», когда выполняет свой долг перед государством-семьей, в том числе и перед своими крестьянами. Глинка был противником крепостного права, считая его отмену прерогативой верховной власти. Пока же крепостное право не отменено, важнейшей гражданской добродетелью, согласно Глинке, является «благотворение», как разновидность христианской любви к ближнему.

В своей литературной деятельности Глинка оказался одним из «плодовитейших» (П. А. Вяземский) русских писателей, чье наследие насчитывало в общей сложности более 150 томов¹²⁶. В трудах Глинки намечались контуры национальной идеи, подразумевающей, что Россия является особым миром, а ее особый путь «определяется внутренним духовным строем национального характера, в основе которого лежит слияние индивидуальностей в единое целое. Благодаря этим коренным свойствам национального характера Россия и обладает несомненными преимуществами перед Западом»¹²⁷.

КАРАМЗИН, Николай Михайлович (1.12. 1766, с. Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии – 22.5. 1826, С.-Петербург), один из основоположников русского консерватизма, историк, писатель, журналист, поэт. Происходил из крымско-татарского рода Кара-мурзы (известного с XVI в.). Детство провел в имении отца - Михаила Егоровича, помещика средней руки – селе Знаменское, затем воспитывался в частном пансионе Фовеля в Симбирске, где учили на французском языке, потом в московском пансионе проф. И. М. Шадена. Шаден являлся апологетом семьи, видел в ней хранительницу нравственности и источник образования, в котором религия, начало мудрости, должна была занимать ведущее место. Наилучшей формой государственного устройства Шаден считал монархию, с сильным дворянством, добродетельным, жертвенным, образованным, ставящим во главу угла общественную пользу. Влияние подобных взглядов на Карамзина

неоспоримо. В пансионе Карамзин выучил французский и немецкий языки, учил английский, латынь и греческий. Кроме того, Карамзин посещал лекции в Московском университете. С 1782 г. он служил в Преображенском полку. В это же время начинается его литературная деятельность. Первое печатное произведение Карамзина - перевод с немецкого С. Гесснера "Деревянная нога". По смерти отца Карамзин в 1784 г. вышел в отставку и уехал в Симбирск, где вступил в масонскую ложу "Золотого венца". Спустя год Карамзин переехал в Москву, где сблизился с московскими масонами из окружения Н. И. Новикова, под влиянием которых формируются его взгляды и литературные вкусы, в частности, интерес к литературе французского "Просвещения", "энциклопедистам", Монтескье, Вольтеру и пр. Масонство привлекало Карамзина своей просветительской и благотворительной деятельностью, но отталкивало своей мистической стороной и обрядами. В конце 1780-х гг. Карамзин участвует в различных периодических изданиях: "Размышления о делах Божиих...", "Детское чтение для сердца и разума", в которых публикует собственные сочинения и переводы. К 1788 г. Карамзин охладевает к масонству. В 1789-1790 гг. он совершает 18-месячное заграничное путешествие, одним из побудительных мотивов которого был разрыв Карамзина с масонами. Он побывал в Германии, Швейцарии, охваченной революцией Франции и Англии. Будучи свидетелем событий во Франции, Карамзин неоднократно посещал Национальное собрание, слушал речи Робеспьера, завел знакомства с многими политическими знаменитостями. Этот опыт оказал на его дальнейшую эволюцию огромное воздействие, положив начало критическому отношению к "передовым" идеям. Так, в "Мелодоре и Филалете" (1795) Карамзин ярко выразил неприятие и шок, вызванный реализацией идей "Просвещения" на практике, в ходе Великой Французской революции: "Век просвещения! Я не узнаю тебя - в крови и пламени не узнаю тебя - среди убийств и разрушения не узнаю тебя!"¹²⁸.

По возвращении из-за границы издает "Московский журнал"(1791-1792), альбом "Аглая"(1794-1795), альманах "Аониды"(1796-1799), "Пантеон иностранной словесности"(1798), журнал "Детское чтение для сердца и разума"(1799), публикует "Письма русского путешественника"(1791-1792), принесшие ему всероссийскую известность, сближается с консервативно настроенным Г. Р. Державиным и окончательно порывает с масонством. В этот период Карамзин испытывает все нарастающий скепсис по отношению к идеалам "Просвещения", однако в целом остается на западнических, космополитических позициях, будучи уверенным в том, что путь цивилизации един для всего человечества и что России должна идти по этому пути: "все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами"¹²⁹. Как литератор он создает новое направление, так называемый сентиментализм, осуществляет масштабную реформу русского языка, с одной стороны, ориентируя его на французские литературные модели, с другой, приближая его к разговорному, полагая при этом, что русский бытовой язык еще предстоит создать. В наибольшей степени

сентиментализм получил отражение в таком произведении, как “Бедная Лиза”(1792). Стремление Карамзина “офранцузить” русский язык не следует преувеличивать. Еще в 1791 г. он утверждал: “в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе?”¹³⁰. Кроме того, тогдашний космополитизм Карамзина сочетался со своеобразной литературной борьбой за возвращение к русским истокам. К примеру, его повесть “Наталья, боярская дочь”(1792) начиналась словами: “Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу..?»¹³¹.

В апреле 1801 г. Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой, которая через год скончалась, оставив дочь Софью.

Восшествие на престол Александра I положило начало новому периоду в идейной эволюции Карамзина. В 1802 г. он выпустил в свет написанное в 1801 г. “Историческое похвальное слово Екатерине Второй”, представлявшее собой наказ новому царю, где он формулирует монархическую программу и ясно высказывается в пользу самодержавия. Карамзин развернул активную издательскую деятельность: переиздал “Московский журнал”, предпринял издание “Пантеона российских авторов, или собрание их портретов с замечаниями”, выпустил первое свое собрание сочинений в 8 томах. Главным событием первых лет XIX в. стало издание “толстого” журнала “Вестник Европы” (1802-1803), выходившего два раза в месяц, где Карамзин выступил в роли политического писателя, публициста, комментатора и международного обозревателя. В нем он четко формулирует свою государственническую позицию (ранее для него государство было “чудовищем”). Примечательно также, что в своих статьях Карамзин довольно резко выступает против подражательства всему иностранному, против воспитания русских детей за границей и т.д. Свою позицию Карамзин недвусмысленно выражает формулой: “Народ унижается, когда для воспитания имеет нужду в чужом разуме”¹³². Более того, Карамзин призывает прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: “Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках... Хорошо и должно учиться: но горе...народу, который будет всегдашним учеником”¹³³. Карамзин критически относится к либеральным начинаниям Александра I, формируя позицию, которую можно обозначить как прото-консервативную, поскольку сам Карамзин еще остается “республиканцем в душе”. Не оставляет Карамзин и литературу - в 1803 г. он публикует “Марфу Посадницу” и ряд других произведений. Особенно стоит выделить “Мою исповедь”(1802), где он резко полемизирует со всей просветительской традицией - от “энциклопедистов” до Ж. Ж. Руссо. Его консервативно-монархические взгляды становятся всё более чёткими.

Еще в конце 90-х гг. XVIII в. обозначился интерес Карамзина к русской истории. Он создает несколько небольших исторических работ. 28 сентября 1803 г. Карамзин обращается в Министерство народного просвещения к

попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву с просьбой об официальном назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом от 31 ноября. В этом же году вышла книга А. С. Шишкова “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”, в которой видный русский консерватор обвинил Карамзина и его последователей в распространении галломании (См. *Шишков*). Однако сам Карамзин никакого участия в литературной полемике не принимал. Объяснить это можно тем, что Карамзин был не только занят историографическими разработками, “постригся в историки” (П. А. Вяземский), его позиция, в том числе и лингвистическая под влиянием занятий русской историей, стала сближаться с позицией Шишкова.

В 1804 г. Карамзин женился во второй раз – на Екатерине Андреевне Колывановой. Его жизнь была наполнена напряженным трудом, зимой он проживал в Москве, летом – в Остафьево.

С 1803 по 1811 г. Карамзин создает пять томов “Истории государства Российского”, попутно открыв и впервые используя ценнейшие исторические источники.

В конце 1809 г. Карамзин впервые был представлен Александру I. К 1810 г. Карамзин под влиянием занятий русской историей становится последовательным консерватором-патриотом. В начале этого года он, через своего родственника Ф. В. Ростопчина, знакомится в Москве с лидером тогдашней “консервативной партии” при дворе – великой княгиней Екатериной Павловной и начинает постоянно посещать ее резиденцию в Твери, где ее супруг, принц Ольденбургский, был генерал-губернатором. Салон великой княгини представлял тогда центр консервативной оппозиции либерально-западническому курсу, олицетворяемому фигурой М. М. Сперанского. В этом салоне Карамзин читал отрывки из “Истории...” в присутствии великого князя Константина Павловича, тогда же происходит его знакомство с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая с тех пор становится одной из его покровительниц. В 1810 г. Александр I пожаловал Карамзину орден св. Владимира 3-й степени. По инициативе Екатерины Павловны Карамзин написал и подал в марте 1811 г. Александру I, во время чтений в Твери очередного фрагмента из своей “Истории...”, трактат “О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях” – наиболее глубокий и содержательный документ зародившейся русской консервативной мысли. Наряду с обзором русской истории и критикой государственной политики Александра I в “Записке” содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию концепция самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанной с православием и православной церковью.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой “умную политическую систему”¹³⁴, прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была “великим творением князей московских”¹³⁵, начиная с Ивана Калиты, причем, в основных своих элементах, она обладала качеством

объективности, то есть слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку не была продуктом личной власти, а довольно сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. Система эта возникла в результате синтеза автохтонной политической традиции “единовластия”, восходящей к Киевской Руси, и некоторых традиций татаро-монгольской ханской власти. Большую роль также сыграло сознательное подражание политическим идеалам Византийской империи¹³⁶. Возникшее в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом самодержавие было безоговорочно принято русским народом, поскольку ликвидировало не только иноземную власть, но и внутренние междоусобицы. “Рабство политическое”¹³⁷ не казалось в этих условиях чрезмерной платой за национальную безопасность и единство.

Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, “излиянием монаршей власти”¹³⁸, монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее власти аристократии. Аристократия, приобретающая самодовлеющее значение, могла стать опасной для государственности, например, в удельный период или в период Смуты XVII в.¹³⁹. Самодержавие “встраивало” аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

Исключительную роль в данной системе, по Карамзину, играла православная церковь. Она являлась “совестью” самодержавной системы, задающей нравственные координаты для монарха и народа в стабильные времена и, в особенности, когда происходили их “случайные отклонения от добродетели”¹⁴⁰. Карамзин подчеркивал, что власть духовная действовала в тесном союзе с властью гражданской и давала ей религиозное оправдание. В своей “Истории...” Карамзин подчеркивал: “история подтверждает истину...что вера есть особенная сила государственная”¹⁴¹. Самодержавная система политической власти, по Карамзину, зиждилась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, того, что он обозначал как “древние навыки” и, шире, “дух народный”, “привязанность к нашему особенному”¹⁴². Карамзин категорически отказывался отождествлять “истинное самодержавие” с деспотизмом, тиранией и произволом. Он считал, что подобные отклонения от норм самодержавия были обусловлены делом случая (Иван Грозный, Павел I) и быстро ликвидировались инерцией традиции “мудрого” и “добродетельного” монархического правления. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или даже полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты) приводила в течение короткого исторического срока к восстановлению самодержавия¹⁴³. В силу всего вышеперечисленного, самодержавие явилось “палладиумом России”, главной причиной ее могущества и процветания. С точки зрения Карамзина, основные принципы

монархического правления должны были сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению. При таком понимании самодержавия всякая попытка его ограничения являлась бы преступлением перед русской историей и русским народом.

Карамзин одним из первых в русской мысли поставил вопрос о негативных последствиях правления Петра I, поскольку стремление этого императора преобразовать Россию в подобие Европы подрывало “дух народный”, то есть самые основы самодержавия, “нравственное могущество государства”. Стремление Петра I “к новым для нас обычаям переступило в нем границы благоразумия”¹⁴⁴. Карамзин фактически обвинил Петра в насильственном искоренении древних обычаев, роковом социокультурном расколе народа на высший, “онемеченный” слой и низший, “простонародье”, уничтожении патриаршества, что привело к ослаблению веры, переносе столицы на окраину государства ценой огромных усилий и жертв¹⁴⁵. В итоге, утверждал Карамзин, русские “стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России”¹⁴⁶.

Основные элементы концепции самодержавия Карамзина в той или иной форме были разработаны последующими поколениями русских консерваторов: С. С. Уваровым, Л. А. Тихомировым, И. А. Ильиным, И. Л. Солоневичем и др.

В “Записке” Карамзин сформулировал идею “русского права”: “законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств”¹⁴⁷. “Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их и вы дадите нам систему законов”¹⁴⁸. Как ни парадоксально, в какой-то мере (но далеко не полной) рекомендациями Карамзина воспользовался уже в царствование Николая I его идейный противник М. М. Сперанский в процессе кодификации русского законодательства.

Кроме всего прочего, в “Записке” содержались классические принципы русского консерватизма: “требуем более мудрости хранительной, нежели творческой”, “всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости”, “для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу”¹⁴⁹.

“Записка” было холодно воспринята императором, однако впоследствии он явно учел ее основные положения. После падения Сперанского кандидатура Карамзина на пост статс-секретаря Государственного Совета рассматривалась наряду с кандидатурой А. С. Шишкова. Предпочтение было отдано последнему, как человеку военному, что было немаловажно в условиях надвигавшейся войны с Наполеоном.

Работа Карамзина над “Историей государства Российского” была временно прервана Отечественной войной 1812 г. Сам Карамзин готов был

сражаться в московском ополчении и в последние мгновения перед вхождением Наполеона в столицу покинул город. 1813 г. он провел в эвакуации вначале в Ярославле, а затем в Нижнем Новгороде. В Москву Карамзин возвратился в июне 1813 г. и продолжил работу над “Историей...”, невзирая на то, что в московском пожаре 1812 г. сгорела его библиотека. В начале 1816 г. Карамзин приехал в Петербург просить средств на издание первых восьми томов. При поддержке императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, после приема у А. А. Аракчеева, Александр I удостоил Карамзина высочайшей аудиенции, в результате которой были выделены необходимые средства. С 1816 г. и до момента своей смерти Карамзин жил в Петербурге, общаясь с В. А. Жуковским, С. С. Уваровым, А. С. Пушкиным, Д. Н. Блудовым, П. А. Вяземским и др. По предложению Александра I он стал проводить каждое лето в Царском селе, что всё более и более усиливало его близость к царскому семейству. Государь неоднократно беседовал с Карамзиным во время прогулок по царскосельскому парку, постоянно читал в рукописи “Историю...”, выслушивал его мнения о текущих политических событиях. В 1816 г. Карамзин был пожалован статским советником, награжден орденом св. Анны 1-го класса, в 1824 г. стал действительным статским советником. В 1818 г. Карамзин был принят в члены Императорской Российской Академии. В 1818 г. вышли восемь томов “Истории...” тиражом в три тысячи экземпляров, которые стремительно разошлись в 25 дней. Значение этого грандиозного труда точно выразил П. А. Вяземский: “Творение Карамзина есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная и монархическая”¹⁵⁰. Смерть Александра I потрясла Карамзина, а мятеж 14 декабря окончательно надломил физические силы Карамзина (в этот день он простудился на Сенатской площади, болезнь перешла в чахотку и смерть).

Роль Карамзина как деятеля культуры и русской историографии в целом осознана в русской мысли. Однако его значение как консервативного мыслителя, оказавшего определяющее влияние на русскую консервативно-патриотическую мысль, историкам и философам еще предстоит раскрыть.

СТУРДЗА, Александр Скарлатович (1791. 18.11. - 14. 06. 1854) Религиозный философ и публицист, один из советников Александра I по вопросам внешней и внутренней политики. Как политический деятель принадлежал к первому поколению русских консерваторов.

Род Стурдзы принадлежал к самым влиятельным родам Молдавии. В начале 1792 г. отец Стурдзы, спасаясь от турок, эмигрировал в Россию. В 1801 г. он перевез семью в Петербург. Стурдза получил прекрасное домашнее образование, овладев несколькими языками, проявляя также склонность к занятиям богословием, философией и историей, писал стихи, был членом “Беседы любителей русского слова”. Высшее образование Стурдза получил, слушая лекции в германских университетах, затем жил в Вене и Флоренции; через некоторое время после этого поселился в

Константинополе, откуда вскоре переехал в Россию. Значительное влияние на склад мировоззрения Стурдзы оказали православные греческие архиереи.

В апреле 1809 г. Стурдза заступил на дипломатическую службу по Министерству иностранных дел и был прикомандирован к кабинету канцлера Н. П. Румянцева в качестве секретаря. Свою деятельность в качестве чиновника Министерства иностранных дел Стурдза начинал под руководством графа И. А. Каподистрии, близкого друга семьи. Стурдза составил на основе архивных документов комментарии к дипломатической переписке России и Мальтийского ордена, начиная с 1768 г. и до вступления на престол Александра I. После успешного завершения этой работы Стурдза был назначен чиновником особых поручений. К этому времени относится составленный им проект о вознаграждении инвалидов. 18 марта 1812 г. Стурдза был произведён в переводчики. В апреле того же года он исполнял обязанности секретаря Министерства иностранных дел и переводчика в квартире Дунайской армии адмирала П. В. Чичагова в Бухаресте. Стурдза участвовал в походе в Литву против Наполеона, предпринятом этой армией. В 1814 г. он был направлен в российское посольство в Вену в качестве внештатного секретаря. В 1815 г. Стурдза был назначен статс-секретарем по иностранным делам. На заседаниях Венского конгресса он выступал как переводчик. Именно Стурдза выступил редактором акта Священного Союза, составленного Александром I, и переводчиком его на русский язык.

В 1815 г. Стурдза вместе с Каподистрией, в качестве секретаря последнего, уехал в Париж. Там им была написана первая его работа по вопросам церкви – “*Considerations sur la doktrine et l’esprit de l’Eglise orthodoxe*” (“Размышления об учении и духе православной церкви”). В ней Стурдза попытался в сжатых чертах изложить основы православия. Он полагал, что православие может сочетаться с идеей Священного Союза, в силу необходимости объединить силы всех христиан для борьбы с “неверием рационализма”. Он возлагал надежды на то, что Священный союз приведёт к духовному возрождению Европы и стремился к тому, чтобы идеология Священного Союза учитывала национальные русские особенности, в частности, специфику православной религии.

Взгляды Стурдзы к этому времени в основном сложились. Он был противником идеологии Просвещения, будучи убежденным в том, что как “просвещённый абсолютизм”, так и либерализм одинаково опасны для традиционно-монархического миропорядка, одинаково посягают на исторически сформировавшийся, Богом сотворённый миропорядок. Стурдза усматривал в религии и национальном характере главные опоры общества. Религия являлась для него главным источником нравственности и существенным аспектом национальной культуры. При этом Стурдза отдавал предпочтение православию. Понимая неизбежность перемен, он тем не менее был категорическим противником революционных ломок.

Именно поэтому он осуждал Петра I за чрезмерный радикализм преобразований. Общественным идеалом для Стурдзы выступала самодержавная монархия, освященная церковью, со строгой сословной иерархией, цензурой, охраняющей начала религии и нравственности. При этом Стурдза не исключал, что монарх будет править вместе с собранием представителей народа, соблюдать строгую законность, школьное образование в православном духе будет доступно представителям всех сословий. Он также высказывался за отмену крепостного права, при сохранении сословной структуры.

После завершения Венского конгресса и подписания акта Священного союза Стурдза возвратился в Россию, где в начале января 1816 г. продолжил свою деятельность в министерстве народного просвещения. Вскоре после приезда по поручению Александра I Стурдза составляет текст нескольких указов, в том числе указ Сенату об изгнании иезуитов из России от 20 декабря 1816 г. Вскоре он становится ключевой фигурой в Главном Правлении училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Стурдза активно выступал в пользу распространения религиозного образования. “Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ”, составленное Стурдзой 5 августа 1818 г., стало документом, который идеологически направлял всю работу Министерства духовных дел и народного просвещения. В Наставлении главная цель определялась как достижение “спасительного согласия между верою, ведением и властью: или другими выражениями, между Христианским благочестием, просвещением умов, и существованием гражданским”¹⁵¹. Данная цель предполагала существенные ограничения в преподавании философии и естественного права: “допускать в преподавании токмо те книги о нравственной Философии и умозрительном Законодательстве,...кои не противоречат практическому христианству....Теории о Естественном Праве, основанные на ложном понятии о некоем первобытном состоянии человека, в котором он уподобляется животным, также надлежит отвергнуть... Ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условия между людьми, подлежат тому же отвержению”¹⁵². Одновременно с “Наставлением” Стурдза разработал проект цензурного устава, который был сравнительно мягким и давал определенный простор для печати.

В 1818 г. Стурдза, считавшийся знатоком германского вопроса, принял участие в Карлсбадской конференции, на которой обсуждался университетский вопрос, вызванный студенческими беспорядками в университетах Пруссии, а затем - в качестве эксперта по германскому вопросу - на Аахенском конгрессе Священного Союза. Александр I дал ему поручение составить особую записку, в которой была дана оценка событиям сложившейся предреволюционной ситуации в Германии для участников конгресса. Записка Аахенскому конгрессу первоначально напечатана была только для членов конгресса в количестве 50

экземпляров, ее должны были раздать в обстановке строгой секретности, но против воли конгресса и самого Стурдзы, в конце 1818 г. она попала в “Times”, а оттуда была перепечатана немецкими газетами.

Стурдза утверждал, что политическая ситуация в Германии порождена немецкими традициями высшей школы. Стурдза подвергал критике автономию университетов, универсализм знаний, рационализм. Для него университеты были рассадниками революционного духа и атеизма. “Скопище всех заблуждений века, университеты продлевают жизнь всем несправедливым теориям, всем обманным учениям, плачевный опыт применения коих уже разочаровал большую часть наших современников...Словесность, науки, правосудие, даже святость алтаря - всё вверено университетам, а между тем ничто не удостоверяет, что они должным образом управляют государственным достоянием”...“В университетах позволено все, что угодно. Юношество, избавленное от власти законов, предается всем бесчинствам - плодам вольнодумства и испорченной нравственности”¹⁵³. Стурдза предлагал отменить автономию университетов, ликвидировать все академические привилегии, поставить университеты под контроль полиции, ввести надзор за студенческими союзами, ограничить свободу печати. В противном случае, всей Европе грозит распространение революционного движения, выразившегося в Германии в студенческих демонстрациях.

Большинство положений “Записки” было одобрено кабинетами Австрии и Пруссии. Их правительства приняли соответствующие меры. В итоге записка Стурдза спровоцировала террористические акты против правительственных чиновников со стороны немецких студентов. Наиболее громким делом такого рода было убийство студентом Зандом писателя с репутацией «реакционера» А. Коцебу. Сам Стурдза был вызван в апреле 1819 г. на дуэль двумя немецкими студентами, но отказался в ней участвовать. Перенеся серьезную операцию на глазах, в апреле 1819 г. он покинул Германию и возвратился в Россию и уединился в семейном имении Устье. Миссия Стурдзы на Аахенском конгрессе, тем не менее, была высоко оценена Александром I, он был награжден орденом св. Владимира. Осенью 1819 г., на фоне поднявшейся революционной волны в Западной Европе, Стурдза был приглашен по инициативе Александра I в качестве консультанта.

Осенью 1820 г. состоялся конгресс в Троппау. В ходе работы конгресса Стурдза направил ряд записок царю, в которых давал оценку сложившейся ситуации. К этому времени относятся и некоторые предложения Стурдзы, касавшиеся и внутренних вопросов. Таковы переданный Александру I проект об учреждении в Москве центрального духовного попечительства с обязанностью заботиться об обращении в православие находящихся в России подданных неправославных исповеданий, его предложение ввести преподавание молдавского языка в начальных училищах Бессарабской области и др.

В октябре 1821 г. Стурдза приехал в Петербург с целью попросить бессрочный отпуск, по плохому здоровью, получив который надолго поселился в Одессе, откуда несколько раз ездил лечиться за границу. В последующие годы он полностью посвятил себя литературной и благотворительной деятельности. Он содействовал образовавшемуся в Одессе женскому благотворительному обществу. Его сестра Роксандра устраивала вечера, которые посещали известные люди того времени: М. Л. Магницкий, граф И. С. Лаваль и др. Стурдза внимательно следил за событиями в Греции и помогал беглецам из Константинополя. Им было написано несколько статей, посвященных греческому вопросу.

В апреле 1828 г. Стурдза был послан в Бухарест для заведования походной канцелярией министра иностранных дел во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Вместе с президентом полномочных посланников совета Молдавии и Валахии он трудился над административным преобразованием этих княжеств.

После Андрианопольского мира 1829 г. вследствие разногласий, как с деятелями министерства иностранных дел, так и народного просвещения, Стурдза вышел в отставку в чине тайного советника и окончательно поселился в Одессе. По выходе в отставку он посвятил себя литературной, общественной и благотворительной деятельности. В качестве депутата он присутствовал в одесской комиссии для борьбы с чумой, был в числе учредителей общества истории и древностей Новороссии, способствовал основанию Архангельского женского монастыря в Одессе, при его же содействии там же была основана в 1850 г. община сестер милосердия, наконец, в течение 12 лет он состоял вице-президентом общества земледелия южной России.

В 1836 г. Стурдза предпринял поездку в Германию, где посещал берлинский университет и слушал лекции известных профессоров. Весной 1837 г. он вернулся в Одессу. Личные невзгоды зародили в нём мысль о принятии монашеского пострига. В период с 1837 г. по 1843 г. он писал по преимуществу на религиозно-философские и церковные темы, стремясь, прежде всего, к пропаганде православия и ведя постоянную полемику с представителями других христианских вероисповеданий.

В начале 1844 г. из-за смерти сестры Роксандры состояние его здоровья ухудшилось. В 1845 г. Стурдза потерял и своего внука Александра. Для восстановления здоровья Стурдза временно уезжает в Италию, а в 1847 г. возвращается на родину, где жил, главным образом, в Одессе. В этот период угасания жизненных сил он пишет портреты-биографии своих современников: Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина, А. Н. Голицына и др. 14 июня Стурдза скончался в Манзыре.

ГОЛИЦЫН, Александр Николаевич (08. 12. 1773; Москва – 22.11. 1844; имение Гаспра-Александрия Ялтинского уезда Таврической губернии), князь, действительный тайный советник, канцлер Российских

орденов, статс-секретарь. Из княжеского рода XVI в. литовского происхождения, Гедиминович. Прямой потомок князя Б. А. Голицына, воспитателя Петра I. Родился в семье отставного капитана гвардии Николая Сергеевича от третьего его брака с Александрой Александровной Хитрово. Получил имя в честь преп. Александра Свирского. В 177? г. был записан сержантом в Преображенский полк. Благодаря знакомству матери Голицына с камер-фрейлиной Екатерины II М. С. Перекусихиной был представлен императрице и воспитывался за ее счет в Пажеском корпусе, получил поверхностное светское образование. В 1783 г. пожалован в пажи, в 1791 г. – в камер-пажи. Друг детства и юности Александра I, что предопределило всю дальнейшую карьеру Голицына. С 1794 г. – поручик Преображенского полка, однако, не имея склонности к военной службе, в том же году был назначен в придворный штат великого князя Александра Павловича камер-юнкером, затем – в 1797 г. камергером Двора. Был пожалован в 1799 г. в командоры Мальтийского ордена Св. Иоанна Иерусалимского. В том же году подвергся опале и получил повеление выехать из Петербурга в Москву. Голицын в Москве пользовался расположением графа Бутурлина и пользовался его знаменитой библиотекой, прочитав множество литературных и исторических произведений. Голицын характеризовал свое умонастроение того периода как религиозное вольнодумство, крайнее “вольтерьянство”, деизм и “эпикурейство”. Тогда же состоялось его знакомство с митрополитом Платоном (Левшиным), который, возможно, оказал некоторое влияние на религиозный настрой Голицына. По восшествии на престол Александра I Голицын был возвращен ко двору. Он отрицательно оценивал идеи либеральных реформ и народного представительства, негативно относился к деятельности либерально настроенного Негласного комитета, в который входили лица из ближайшего окружения царя. В 1802 г. назначен обер-прокурором 1-го департамента Сената. По настоянию Александра I 21 октября 1803 г. Голицын был назначен обер-прокурором Синода и статс-секретарем с правом личного доклада императору. После назначения обер-прокурором Голицын впервые в жизни прочитал “Новый Завет” и изменил прежний “эпикурейский” образ жизни: стал уклоняться от посещения театра, пытаться соблюдать посты, постоянно причащаться, читать Библию, литературу самого разнообразного религиозного содержания, встречаться и беседовать с авторитетными представителями различных конфессий, периодически испытывать “мистические восторги”, интересоваться сновидениями и т.д. При этом его религиозность имела специфический характер: Голицын исполнял православные обряды, обзавелся собственной домовою церковью во имя Св. Троицы, однако взгляды его в основном формировались под влиянием модной тогда западноевропейской мистической литературы, носившей далеко не православный характер (Юнг-Штиллинг, Эккертсгаузен и пр.). Голицын индифферентно относился к различию догматов христианских конфессий, считая их равноценными, и стремился к воплощению идеала современных

ему западноевропейских мистиков: соединению всех вероисповеданий в лоне “универсального христианства” ради водворения царства Божия на земле. Голицын мог считать себя православным, одновременно молитвенно общаясь и ведя благочестивые беседы и переписку с архимандритом Фотием (Спасским) и иеромонахом (впоследствии митрополитом Московским) Филаретом (Дроздовым) и с баронессой В. – Ю. Крюденер, английскими методистами и квакерами, иезуитами, гернгутерами, главой сектантского общества, “пророчицей” Е. Ф. Татариновой, русскими скопцами, “духоносцами”, порвавшими с католичеством проповедниками Линдлем и Госснером, сомнительными визионерами и ясновидцами и пр. Особенно большое духовное влияние на Голицына имел известный мистик и масон обергофмейстер Р. А. Кошелев. Однако взгляды Г. трудно привести в систему, их можно охарактеризовать как “религиозный сумбур”. В практической своей деятельности Голицын был последователен и логичен. Как церковно-государственный деятель Голицын предпринял меры к усилению власти обер-прокурора. Расширенные им полномочия обер-прокурора были юридически закреплены. Будучи личным другом императора, он смог резко усилить влияние светской власти на дела церкви. При нем был установлен строгий контроль за деятельностью синодальных чиновников и секретарей провинциальных духовных консисторий, установлен новый порядок делопроизводства, проводилась борьба с пьянством среди духовенства. Состав Св. Синода полностью определялся волей Голицына. В 1808 г. он получил чин тайного советника. В 1807 г. Голицын был назначен членом Комитета об усовершенствовании духовных училищ. Реформа духовных заведений была важнейшей из реформ, осуществленных Голицыным. Проект реформы разрабатывался первоначально архимандритом Евгением (Болховитиновым), епископом Анастасием (Братановским), а затем Комитетом, в который входили М. М. Сперанский, епископ Феофилакт (Русанов) и др. В 1808 г. была учреждена Комиссия духовных училищ, где Голицын фактически занимал пост председателя, посредством которой были организованы духовно-учебные академические округа, введены новые учебные планы в академиях, семинариях и училищах, изысканы новые источники содержания духовных учебных заведений (от продажи свечей). При Голицыне были основаны три новые духовные академии. В 1808 г. Голицын вместе с М. М. Сперанским сопровождал Александра I в Эрфурт, на переговоры с Наполеоном. С учреждением в июне 1810 г. Главного управления духовных дел инославных исповеданий (римско-католического, униатского, армянского, евангелически-лютеранского, реформатского, магометанского и иудейского) Голицын стал его начальником, оставшись в должности обер-прокурора Синода. В 1812 г. он увлек Александра I чтением Нового Завета, а затем Библии, повлияв тем самым на формирование религиозных взглядов императора, проделавшего, подобно Голицыну, сложную духовную эволюцию от деизма к «универсальному

христианству», предполагавшему равноценность всех исповеданий. В 1812 г. Голицын организовал и возглавил С.-Петербургское Библейское общество, в котором было исключительно сильно влияние протестантов, мистиков западноевропейского толка, сектантов и масонов. Формальной целью общества было поначалу издание Библии на иностранных языках для неправославного населения Российской империи. В правлении общества наряду с православными архиереями заседали католические митрополиты, протестантские пасторы, представители различных сект. В 1814 г. Библейское общество приступило к печатанию Библии на церковнославянском языке. С 1816 г. общество начало перевод Св. Писания на литературный русский язык. У этой инициативы нашлось немало противников, считавших, что перевод такого рода приведет к росту протестантских настроений в православной церкви, религиозному субъективизму и, в конечном счете, появлению новых сект и расколов. Голицын всемерно поощрял перевод и издание книг мистического содержания, порой содержащих откровенно антиправославные выпады, и широкое их распространение через структуры Библейского общества. При этом Голицын запрещал произведения ревнителей православия, опровергавших положения мистиков, и даже принимал против них репрессивные меры. В 1816 г. он возглавил Министерство народного просвещения с оставлением функций обер-прокурора. С 1 января 1818 г. Голицын был назначен министром духовных дел и народного просвещения с оставлением должности обер-прокурора Св. Синода и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий. Создание Сугубого министерства было обусловлено стремлением императора, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Новое министерство было разделено на департамент духовных дел и департамент народного просвещения, причем в департаменте духовных дел православная религия была юридически уравнена с другими вероисповеданиями, что объективно принижало ее статус как государственной религии. Обер-прокурором Синода был назначен П. С. Мещерский, который полностью был подчинен Голицыну. Во многом по инициативе Голицына были проведены его ближайшими сотрудниками, попечителем Казанского учебного округа М. Л. Магницким и попечителем Петербургского учебного округа Д. П. Руничем, чистки студенческого и профессорско-преподавательского состава в Казанском и С.-Петербургском университетах, осложнилась работа Ришельевского лицея в Одессе, резко усилилась цензура, особенно в отношении театральных постановок. Все эти мероприятия снискали Голицыну дурную славу «гасителя просвещения». Склонность к мистицизму восстановила против него высшее православное духовенство. Известны жалобы Голицына на преимущество в церковной иерархии черного духовенства, которое, по его мнению, якобы не могло иметь верного представления о существенных условиях гражданского, общественного и домашнего быта. При его содействии были образованы Попечительное о тюрьмах общество,

Общество любителей российской словесности (1816 г.), приют для неизлечимо больных, Попечительство о бедных. Он также собирал большие пожертвования на содержание бежавших в южные районы России от турецких зверств греков и на выкуп их жен и детей, находившихся у турок в рабстве. Голицын стремился к увеличению числа народных училищ и ратовал за введение в России так называемого “ланкастерского” метода взаимного обучения, для чего учредил особый комитет, в который входили ректор Александро-Невской духовной Академии Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский. В 1819 г. Голицын был назначен главноначальником над почтовым департаментом, что позволяло ему беспрепятственно и оперативно распространять по всей России произведения западноевропейских мистиков и выполнять важную в глазах императора функцию – перлюстрацию частных писем. В 1823 г. он получил чин действительного тайного советника. Покровительство Голицына представителям неправославных конфессий, мистикам, сектантам и масонам, резкое принижение статуса Православной Церкви в связи с экуменическими увлечениями императора Александра I привели к возникновению так называемой “православной оппозиции” (термин, предложенный петербургским историком Ю. Е. Кондаковым), которая добивалась отставки Голицына. Митрополиты Михаил (Десницкий), а затем Серафим (Глаголевский) во всё возрастающей степени оказывали пассивное сопротивление неправославным увлечениям Голицына. В этом их поддерживали А. А. Орлова-Чесменская, Д. А. Державина, А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, П. С. Мещерский, А. А. Аракчеев, Ф. П. Уваров, И. В. Гладков. Попытки открытого сопротивления жестко пресекались Голицыным, так, попал в опалу ректор С.-Петербургской семинарии архимандрит Иннокентий (Смирнов). В 1818 г. он пропустил через духовную цензуру книгу Е. Станевича “Беседа на гробе младенца о бессмертии души”, направленную против мистиков. В ответ Голицын подал доклад императору о необходимости конфискации книги и высылки автора ее из столицы, а также добился назначения Иннокентия епископом Оренбургским и Уфимским, фактически отправив его в почетную ссылку. Лишь заступничество влиятельных сторонников Иннокентия способствовало его переводу в более близкую к столице Пензенскую губернию. Преследованиям со стороны Голицына подвергались и представители иных конфессий, если они выступали против мистических увлечений князя. “Православной оппозиции” удалось добиться издания 1 августа 1822 г. официального рескрипта о запрете масонских лож. На заключительном этапе существования “православной оппозиции” ее, с санкции императора, негласно возглавил А. А. Аракчеев, никогда не состоявший в масонских ложах и чуждый каких-либо мистических увлечений, стремящийся нанести политическое поражение Голицыну и оттеснить его от императора. Весной 1824 г. “православная оппозиция” смогла добиться крупных успехов. 6 апреля Александр I запретил влиятельному масону Р. А. Кошелеву появляться при дворе, а затем, без

предварительного разрешения Голицына, демонстративно принял митрополита Серафима (Глаголевского), оказав ему знаки благоволения. В течение апреля Фотий (Спасский) направил несколько антимиристических и антимасонских посланий императору, а затем он и митрополит Серафим удостоились высочайшей аудиенции. “Православная оппозиция” использовала в своих целях дело Госснера, неортодоксального католического проповедника, которому покровительствовал Голицын. Книга Госснера “*Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen ueber das ganze Neue Testament*”, содержащая целый ряд сомнительных с точки зрения православной догматики положений, была подготовлена к изданию на русском языке ближайшим сподвижником Голицына В. М. Поповым. Корректурные листы этой книги были выкрадены из типографии активным деятелем “православной оппозиции” М. Л. Магницким. После ознакомления с ними митрополит Серафим написал “Апологию”, в которой содержалась резкая критика взглядов Госснера. “Апология” эта была доставлена Александру I. С увольнением Голицына в 1824 г. министерство было вновь разделено, он сохранил лишь пост главноначальника над почтовым департаментом. Сохранял влияние и при Николае I, в конце 1825 г. назначен членом Следственной комиссии по делу декабристов. В 1830 г. стал канцлером российских орденов. В 1839-1841 гг. председательствовал на общих заседаниях Государственного совета, а в 1842 г. уволен в отставку.

АРАКЧЕЕВ, Алексей Андреевич (23.09. 1769, Тверская провинция Новгородской губернии — 21.04. 1834, с. Грузино Тихвинского уезда Новгородской губернии), выдающийся русский военный и государственный деятель, патриот-консерватор первого поколения, глава “русской партии” в царствование Александра I, граф, генерал от артиллерии, член Государственного Совета, сенатор.

Род Аракчеевых не отличался родовитостью и знатностью. Он происходил от Фомы Аракчеева, пожалованного помещьем в Бежецкой пятине в 1607 г. Правнук его, Иван Степанович, отличился в войне с Польшей при царе Алексее Михайловиче¹⁵⁴, проявив и «ратоборство и храбрость». Прадед Аракчеева участвовал почти во всех войнах Петра I, а дед был убит в 1735 г., во время похода русской армии в Крым. Отец Аракчеева, Андрей Андреевич, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, вышел в отставку в чине поручика, женился на Елизавете Андреевне Витлицкой и занялся хозяйством. По наследству ему досталось небольшое село Гарусово в Вышневолоцком уезде. Воспитанием Аракчеева занималась мать, набожная, умная, властная и энергичная женщина, державшая всю семью в строгости и послушании. Она привила Аракчееву стремление к постоянному труду, строгому порядку, аккуратности и бережливости. Грамоте и арифметике его учил сельский дьячок.

В 1785 г. Аракчеев поступил в одно из лучших военных заведений России – Петербургский артиллерийский и инженерный шляхетский корпус. В нем преподавали арифметику, геометрию, начала тригонометрии, фортификацию и артиллерийское дело, изучали французский, немецкий и латинский языки. В «верхних» классах преподавание велось только на иностранных языках. Из «изящных» дисциплин кадет обучали танцам и фехтованию. Кадет воспитывали «в страхе Божиим и в страхе розог». Аракчеев получил репутацию «отличного кадета как по наукам, так и по поведению». Он особенно отличался в изучении военно-математических наук, не имея больших склонностей к гуманитарному циклу. При этом он свободно читал по-французски, но имел плохое произношение, по-немецки же говорил довольно бегло. В чине сержанта Аракчеев был назначен преподавателем арифметики и артиллерии (1784). Как усердный кадет и одновременно наставник младших по корпусу он в 1786 г. был награжден за отличие серебряной медалью. В 1787 г., по завершении курса обучения, Аракчеев, как один из лучших выпускников, был оставлен в корпусе преподавателем математики и артиллерии. В 1789 г. он получил чин подпоручика артиллерии и был назначен командиром одной из лучших артиллерийских команд корпуса. Тогда же Аракчеев составил учебное пособие «Краткая артиллерийская записка в вопросах и ответах», внося определенный вклад в развитие военного образования в России.

В 1792 г. он был назначен в качестве артиллерииста-практика на службу в Гатчину в войска великого князя Павла Петровича. Убедившись в опытности Аракчеева в артиллерийском деле, наследник назначил его командиром артиллерийской роты и произвел в капитаны от артиллерии. В короткий срок Аракчеев привел в образцовый порядок всю гатчинскую артиллерию и хозяйственную часть войск. В 1793 г. он был произведен в майоры артиллерии. В подчинении Аракчеева оказались все гатчинские войска и жители Гатчины. В 1796 г. ему был присвоен чин подполковника, а в конце года и полковника артиллерии. После восшествия на престол Павла I Аракчеев, наряду со всем прочим, был произведен в генерал-майоры и получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губернии. В день коронации Павла I состоялось пожалование Аракчеева баронским титулом. Затем ему были одновременно поручены три должности: коменданта Петербурга, командира Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии (1797). Аракчеев обучал военному делу наследника престола, великого князя Александра Павловича, будущего Александра I.

Стиль деятельности Аракчеева отличался жесткой требовательностью, доходящей в соответствии с традициями, насаждавшимися Павлом I, до жестокости (которую позднейшие мемуаристы невероятно преувеличивали, вложив свою лепту в создание негативного мифа об Аракчееве: «гатчинском капрале», «обезьяне в мундире», «временщике», «Змее Горыныче» и пр.), педантичностью и

крайней дисциплиной, личным самоограничением, колоссальной волей и невероятной работоспособностью. После кратковременной опалы, в 1799 г. Аракчеев получил должность инспектора всей артиллерии и был пожалован графским титулом. В его герб император сам вписал девиз: «Без лести предан». Однако вскоре последовала вторая опала. Накануне переворота 11 марта 1801 г. Аракчеев был вызван Павлом I, однако заговорщики помешали ему приехать в Петербург. Возвращенный на службу Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии (1803-1808). На этом посту он внес огромный вклад в переустройство всего артиллерийского дела в русской армии. Под его руководством была создана первоклассная по тому времени артиллерия, прекрасно показавшая себя в сражениях 1805-1809 гг. и сыгравшая немалую роль в Отечественной войне 1812 г. Военно-административная деятельность, а не вопросы стратегии, была подлинным призванием Аракчеева, который в силу этого обстоятельства не принимал участия в боевых действиях. Современные историки приходят к выводу, что он был блестящим военным организатором, новатором, талантливым реформатором и организатором. В 1808 г. Аракчеев был назначен военным министром. Управлять военным министерством Аракчеву приходилось в условиях военного времени. Россия вела войны с Персией (1804-1813), Турцией (1806-1812), со Швецией (1808-1809), с 1809 г. находилась в состоянии войны с Австрией и в результате участия в «континентальной блокаде» – с Англией. За два года (до 1810 г.) Аракчеев сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в комплектовании и обучении строевого состава. Значительные перемены произошли на заводах, выпускавших оружие и боеприпасы. При непосредственном участии Аракчеева был создан Военно-учебный комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала». Император доверил ему прием на службу и увольнение по своему усмотрению чиновников комиссариатского и провиантского департаментов. В ходе русско-шведской войны 1808-1809 гг. Аракчеев с присущей ему энергией сумел наладить снабжение действующей армии всем необходимым: обученными рекрутами, провиантом, фуражом, оружием, боеприпасами. Им были приняты необходимые меры по укреплению Балтийского побережья России. Наиболее значительной была роль Аракчеева в непосредственном воздействии на ход военных операций. Именно его настойчивость заставила предпринять русские войска труднейший переход по льду Ботнического залива, перенести боевые действия на территорию Швеции. В результате в состав России вошла Финляндия.

В 1810 г. Аракчеев в знак протеста против поведения императора, который скрыл от него подготовку «Учреждения Государственного Совета», покинул пост военного министра. По его рекомендации на пост военного министра был назначен М. Б. Барклай де Толли. Вскоре, по категорическому настоянию Александра I, Аракчеев возглавил департамент военных дел в Государственном Совете.

14 июня 1812 г. он был вновь призван к управлению военными делами. В дальнейшем Аракчеев не без основания отмечал: «вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления императора»¹⁵⁵. Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны»¹⁵⁶ и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможно было вести военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813-1814 гг.¹⁵⁷ Летом 1814 г. император хотел наградить Аракчеева званием фельдмаршала, за успехи в организации русской армии, однако тот категорически отказался. Таким образом, Аракчеев был одной из ключевых фигур Отечественной войны, достойной стоять в одном ряду с Александром I, М. И. Кутузовым, М. Б. Барклаем де Толли, Ф. В. Ростопчиным, А. С. Шишковым.

Со второй половины 1814 г. все дела, касающиеся государственного устройства и управления, рассматривались и готовились к докладу монарху только через канцелярию Аракчеева. Через него шли представления всех министерств и даже мнение Государственного Совета. В августе 1818 г. он был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность влиять на важнейшие решения. Практически, именно Аракчеев осуществлял в то время, наряду с Александром I, общее руководство внутренней политикой России, беря на себя бремя исполнения непопулярных решений. Только ему полностью доверял монарх.

В 1817-1825 гг. по поручению Александра I Аракчеев занимался организацией военных поселений, будучи назначенным их начальником. Первоначально он был противником создания военных поселений, но затем подчинился воле государя. В проекте военных поселений имелось рациональное зерно, о котором умалчивали историки либерального и социалистического толка. Военные поселения, по замыслу царя, должны были значительно сократить государственные расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и тем самым облегчить экономическое положение страны, создать зажиточное военно-земледельческое сословие, обеспечить прикрытие границ и сократить передислокацию войск в случае военных действий. Имеется свидетельство о том, что на базе военных поселений Аракчеев хотел создать национальную гвардию¹⁵⁸. В управлении военными поселениями чисто военные функции (боевая подготовка войск) сочетались с хозяйственными (организация строительных и мелиоративных работ, транспорта, промышленности и сельского хозяйства). Одновременно при их создании использовались крайние формы принуждения (насильственное прикрепление поселян к земле, лишение их права заниматься торговлей, отходничеством и промыслами, регламентация многих сторон жизни и т.

д.), что приводило к разорению поселенческих крестьян и иногда довольно масштабным волнениям и даже восстаниям.

Одновременно с организацией военных поселений Аракчеев разработал по поручению царя в 1818 г. проект освобождения крестьян. Согласно этому проекту крепостные крестьяне с согласия помещиков постепенно выкупались казной. Кроме того, государство должно было выкупать по две десятины пахотной земли на каждую ревизскую душу. На покупку крестьян и земли правительство должно было отпускать ежегодно по 5 млн. рублей. Проект Аракчеева получил одобрение Александра I, но вместе с тем стал известен дворянским кругам и вызвал с их стороны сильное противодействие. В итоге Александр I не стал представлять его на обсуждение в Государственный Совет.

В 1823-1824 гг. Аракчеев выступил с санкции императора фактическим главой «православной оппозиции» или «русской партии», которая смогла добиться в 1822 г. запрета масонских лож и отправить в 1824 г. в отставку князя А. Н. Голицына, министра духовных дел и народного просвещения, который был проводником экуменического и мистико-космополитического курса в конфессиональной политике и в образовании. Аракчеев опирался в борьбе против Голицына на М. Л. Магницкого и архимандрита Юрьевского Фотия (Спасского), митрополита Серафима (Глаголевского), А. С. Шишкова, М. Л. Магницкого и др. Вопрос о существовании и деятельности «русской партии» одним из первых поставил эмигрантский историк П. Н. Богданович. Опираясь на донесение французского посла Лаферонне, который писал в октябре 1823 г. о «русской партии» и ее главе – Аракчееве¹⁵⁹, П. Н. Богданович высказал ряд интересных соображений о «русской партии», которые не могут игнорироваться историками, заинтересованными в объективном исследовании жизни и деятельности Аракчеева. В частности, он писал: «Кто мог быть на верхах этой партии? Можно думать, что к ним в свое время принадлежали - великая княгиня Екатерина Павловна, генерал князь Багратион, председатель Государственного Совета Салтыков, председатель Комитета министров Вязьмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант Балашов - все люди, с которыми Аракчеев был очень близок и которые его очень ценили.

Русские историки к вопросу о “русской партии” в эпоху Александра еще не подходили серьезно, а самое главное - беспристрастно: в России защита русских интересов почти всегда была занятием проигрышным, вплоть до лишения жизни (императоры Павел I и Александр II). Для нас же упоминание французского посла - очень ценно, как лишняя, новая и достоверная данная к пониманию Аракчеева, его государственной деятельности, и просто, как цельного русского человека. И это упоминание еще больше объясняет причины той вражды, которая преследовала графа А. А. Аракчеева безостановочно. Нетрудно представить себе, что предпринимали другие “партии”, чтобы парализовать деятельность их общего врага - “русской партии”, а в особенности ее возглавителя»¹⁶⁰.

Ныне очевидно, что Аракчеев способствовал установлению основ того курса, который уже в царствование Николая I стал ассоциироваться с формулой графа С. С. Уварова: “православие – самодержавие – народность”.

Вторая половина 1825 г. - начало 1826 г. стали переломными в политической карьере Аракчеева. В июне 1825 г., отправляясь на юг, после периода длительных раздумий и колебаний, Александр I поручил Аракчееву разобраться с делом о декабристском заговоре, основные фигуры которого давно были известны царю. Однако 10 сентября в Грузии дворцовые люди убили Н. Ф. Минкину — экономку графа, которая была его фавориткой более 25 лет. Аракчеев был настолько потрясен ее смертью, что впервые в своей сознательной жизни не смог вести государственные дела и не выполнил важнейшего поручения монарха. Современники считали, что если бы Аракчеев вовремя осуществил расследование, то «никогда бы возмущения гвардии 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось — затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы»¹⁶¹. Вторым ударом для Аракчева стала неожиданная кончина императора 19 ноября 1825 г.

Заняв престол в беспрецедентно тяжелой обстановке, Николай I пошел на некоторые уступки так называемому “общественному мнению” и освободил Аракчеева от заведования делами Комитета министров. За ним некоторое время сохранялась лишь должность главного над военными поселениями начальника, но и на ней он пробыл недолго. В апреле 1826 г. новый император удовлетворил просьбу Аракчеева о бессрочном отпуске для поездки за границу на лечение. Там Аракчеев издал собрание писем к нему Александра I. После возвращения из-за границы граф постоянно жил в Грузии, изредка выезжая к друзьям и родственникам, полностью отойдя от какой бы то ни было политической деятельности.

В последние годы жизни Аракчеев особенно много занимался устройством имения, старался вникнуть во все стороны хозяйственной жизни, читал много литературы по экономике. Благодаря его патронажу крестьяне в Грузии жили в основном в достатке, многие дома были крыты железом, имелся госпиталь, где крестьяне могли получить бесплатную медицинскую помощь, здесь же по инициативе Аракчеева был создан заемный банк для крестьян, где они были обязаны брать ссуды для покупки семян, скота и т.д. При этом Аракчеев был строгим хозяином и наказывал за пьянство и лень. Само Грузино было обустроено по проектам лучших архитекторов и художников того времени. Достопримечательностью Грузино стала построенная в 1805-1806 гг. соборная церковь во имя Святого Апостола Андрея Первозванного (согласно преданию, он водрузил на месте Грузино свой животворящий крест).

После смерти Александра I Аракчеев составил завещание на сумму 50 тысяч рублей для написания полной и достоверной книги о жизни и деятельности своего покровителя, которую следовало издать через сто лет,

когда этот капитал должен был вырасти минимум до 800 тысяч рублей. Очевидно, что он не боялся суда истории и ждал времени, когда страсти вокруг его имени улягутся и он мог бы рассчитывать на взвешенную и объективную оценку своей деятельности.

Незадолго до смерти Аракчеев внес в казну 300 тысяч рублей. На проценты с них должны были постоянно учиться 12 воспитанников Новгородского кадетского корпуса. После смерти Аракчеева, поскольку он не вписал в завещание имени наследника, Николай I особым указом передал Грузино, а также деньги, вырученные от продажи принадлежавших Аракчееву недвижимого и движимого имущества с аукциона, в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который стал именоваться Аракчеевским. Сюда же была передана значительная часть богатейшей библиотеки Аракчеева, составляющей 15 тысяч томов, в том числе на иностранных языках, и его архива.

В советское время имя Аракчеева стало одним из самых одиозных в «марксистско-ленинской» историографии (правда, в годы Великой Отечественной войны историки патриотического направления, выдвинув лозунг «Добить национальный нигилизм», потребовали «исторического оправдания» Аракчеева, наряду с М. Н. Катковым и К. П. Победоносцевым, но эта попытка не увенчалась успехом¹⁶²). В самые последние годы появились исторические исследования, в частности, К. М. Ячменихина, в которых деятельность Аракчеева рассматривается с объективистских позиций.

МАГНИЦКИЙ, Михаил Леонтьевич (лит. псевд.: К-ц-н-г-м; М.М; Мгнцк; М; М-ий; М-цкой; М-ло; Ма; Простодумов; Простосердов) (23.4(4.5)1778–(21.10(2.11).1844, Одесса). Государственный деятель, публицист, консерватор первого поколения. В либеральной и марксистской историографии характеризуется как “реакционер”, “разрушитель” Казанского университета.

Магницкий был правнуком создателя известного учебника арифметики Л. Ф. Магницкого. Он окончил пансион при Московском университете. С 1795 г. Магницкий служил в Преображенском полку, а в 1798 г. оставил военную службу и перешел в Коллегию иностранных дел. В 1801-1803 гг. Магницкий служил при посольстве в Париже. С 1803 г. – начальник отделения в экспедиции государственного благоустройства Министерства внутренних дел. В это время Магницкий сближается с М. М. Сперанским и становится его “правой рукой”, вплоть до 1812 г., что объяснялось их идейной близостью (разрыв между ними произошел в 1818 г.). В 1804 и 1805 гг. Магницкий выполнял ряд ответственных поручений Александра I в Пскове и Вильне, по итогам которых псковский губернатор был смещен за “лихоимство”, а в Виленском учебном округе был открыт заговор, “в пользу французов сделанный”¹⁶³. С 1810 г. Магницкий – статс-секретарь департамента законов в Государственном Совете. Тогда же он вступил в масонскую ложу “Полярная звезда”, с которой в дальнейшем

порвал. Весной 1811 г. был назначен директором комиссии для составления “Положения об управлении большой действующей армией”.

В марте 1812 г. по делу Сперанского Магницкий был арестован и выслан в Вологду. В августе 1816 г. он был “прощен” и назначен на должность воронежского вице-губернатора. На этом посту вскрыл значительные злоупотребления воронежских властей.

В июне 1817 г. Магницкий был назначен на должность гражданского губернатора в Симбирск. В мировоззрении Магницкого в этот период произошли радикальные перемены. Открыв местное отделение Библейского общества и став его вице-президентом, Магницкий “стал жечь на площади сочинения Вольтера и других подобных писателей XVIII в.”¹⁶⁴ С 1819 г. он сблизился с князем А. Н. Голицыным и по его протекции назначается членом Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Магницкий считал, что механическое заимствование западноевропейского опыта в области просвещения может привести в конечном счете к революции: “Мы заимствовали просвещение от земель иностранных, не приспособив его к нашему положению (*не обрусив*), и сверх того в самую неблагоприятную минуту, в XVII-м и начале XVIII-го столетия, т.е. во время опасной его заразы”¹⁶⁵ Выход для России виделся для Магницкого в том, чтобы поставить систему образования таким образом, чтобы она соответствовала национальным особенностям. “Россия имеет особенный характер. Следовательно, и просвещение ее должно быть соображено с сими отличительными ее свойствами”¹⁶⁶.

В начале 1819 г. Магницкому было предложено осуществить ревизию Казанского университета. По ее итогам Магницкий предложил либо “разрушить” университет, либо провести его коренную реорганизацию. Подобное предложение было вызвано не только соображениями политического характера (отсутствием кафедры богословия, либеральными воззрениями части профессуры), но и причинами академического свойства: запущенными хозяйственными делами университета, моральным обликом части профессуры и студентов, плохой постановкой преподавания и экзаменов и т.д. В июле 1819 г. он был назначен попечителем Казанского учебного округа, где пытался осуществить университетскую контрреформу, будучи сторонником утопической идеи, что необходимо “создать новую науку и новое искусство, вполне проникнутые духом Христовым, взамен ложной науки, возникшей под влиянием язычества и безверия”¹⁶⁷. На новом посту осуществил чистку профессуры (уволит 11 профессоров из 25), придав ярко выраженную религиозную направленность в преподавании всех дисциплин, ввел по образцу монастырских уставов строжайший внутренний режим для студентов. Обобщение результатов “реформ” было отражено в инструкции директору Казанского университета от 17 января 1820 г. В основе преподавания всех наук “должен быть один дух Святого Евангелия”. В университете вводилось богословское отделение. Кроме того, в Казани была создана с

“обличительной” целью “кафедра конституций”, где существующие конституции подвергались критике с монархически-традиционалистских позиций. В феврале 1823 г. в официальной записке А. Н. Голицыну Магницкий выступил за упразднение преподавания философии и естественного права, как подрывающих “престол” и “алтарь”.

Меры Магницкого носили не только репрессивный характер. Он навел элементарный порядок в университете, вынашивал план создания Института восточных языков, снаряжал экспедиции по различным отраслям наук, отправлял ученых на обучение в Европу, произвел перестройку зданий университета, библиотеки, обсерватории и т.д. В 1820-23 гг. в Комитете по составлению цензурного устава Магницким был разработан проект, основные положения которого легли в дальнейшем в основу так называемого “чугунного устава” 1826 г. Кроме того, он предвосхитил известную формулу графа С. С. Уварова, предлагая уже в 1823 г. в особой записке Александру I принять план “народного воспитания”, построенный на началах православия и самодержавия. В том же году Магницкий предложил царю создать “уложение истинно русское”, поскольку, считал он, существующее в России право являлось результатом заимствования западноевропейского юридического опыта, который впитал в себя языческое римское право и церковное католическое право. Магницкий предлагал взять за основу нового уложения “византийское право”, т.е. “совершенно очищенное от всех языческих примесей”. Создание такого “Русского уложения” продемонстрировало бы, согласно Магницкому, намерение “воскресить действительные наши права” на наследие “Империи Греческой”¹⁶⁸. В 1824 г. он способствовал отставке своего бывшего покровителя А. Н. Голицына с поста министра народного просвещения, будучи активным членом так называемой “русской партии”, для которой было неприемлемо покровительство А. Н. Голицына различным мистическим течениям, идущим с Запада.

В царствование Николая I Магницкий подвергся необоснованной опале в 1826 г. из-за не подтвердившегося обвинения в растрате казенных денег и провел оставшуюся часть своей жизни в ссылке в Ревеле (1826-1834 гг.) и Одессе (1834-1844 гг.) (В 1839-1841 гг. высылался в Херсон). В 1831 г. Магницкий обратился к Николаю I с обширными письмами-доносами, в которых разоблачал “заговор иллюминатов”, приписывая в нем ведущую роль своему бывшему другу и единомышленнику М. М. Сперанскому. В этом документе, как отмечают современные исследователи, едва ли не впервые в истории русской консервативной мысли, декларировалась связь между масонством и еврейством¹⁶⁹. В 1832-33 гг. негласно руководил журналом крайне консервативной направленности “Радуга”(Ревель), где пытался разработать свой вариант государственной идеологии, которая опиралась бы на труды германских философов-романтиков. Скончался в нищете.

ФОТИЙ, архимандрит (в миру Петр Никитич Спасский) (6.VI.1792, погост Спасский, Новгородского уезда - 1838), видный русский церковный консерватор первой трети XIX в. Вырос в семье чтеца церкви Преображения Господня Спасского погоста Новгородского уезда Никиты Федоровича, в суровых жизненных условиях, в крайней бедности. Петр получил начальное домашнее образование, был научен отцом грамоте и стал чтецом в церкви. Через родственников, в десятилетнем возрасте, Петр был пристроен певчим в Казанский собор в Петербург. Однако там плохо кормили, нравы были грубыми, Петра часто обижали, в результате он тяжело заболел и был отправлен к родителям на излечение. Тогда же Петра впервые посетили мысли о монашестве, как единственно верном пути спасения души.

В январе 1803 г. Петр был принят в Новгородскую семинарию. По тогдашнему обычаю, ему дали фамилию Спасский, в честь его места рождения и для спасения души. В семинарии преподавались греческий, латинский, французский и немецкий языки; история, география (гражданская и библейская), медицина, естественная история, основы архитектуры, рисование, красноречие, математика. Петр стал первым учеником и первым певчим в семинарском хоре, много читал церковных книг, отличался примерным поведением и благочестием. Из-за крайней бедности Петр постоянно недоедал, был лишен нормальной одежды. При этом Петр вел аскетический образ жизни, избегал мир и его соблазны. В 1814 г., окончив курс семинарии, Петр, в числе лучших учеников, был направлен в Петербургскую духовную академию, ректором которой был Филарет (Дроздов). Тогдашний ректор петербургской семинарии, Иннокентий (Смирнов), глава цензурного комитета академии и церковный писатель, ставший в дальнейшем епископом Оренбургским, а затем Пензенским и Саратовским, стал его покровителем, духовным отцом и учителем. Он повлиял на Петра исключительно сильно, будучи человеком высоких аскетических воззрений и образа жизни. Учился Петр в академии хорошо, но в 1815 г. по болезни был вынужден оставить ее, и был определен учителем латинского и греческого языков, церковнославянского, церковного устава и Закона Божьего в Александровское духовное училище. Главной его обязанностью были проповеди, которые Петр готовил ответственно и усердно, используя в них церковнославянский язык. Одновременно он начал изучать книги масонов и протестантских мистиков, с тем, чтобы уметь полемизировать антиправославные положения, которые в них содержались. По благословению Филарета и Иннокентия в феврале 1817 г. Петр был пострижен двумя архиереями в монахи и рукоположен в иеромонахи с именем Фотия. Это имя он получил в честь патриарха Константинопольского, возведенного в сан за три дня и несколько раз отлучавшегося от сана за исповедание православия. По протекции Иннокентия и Филарета Фотий был назначен законоучителем в кадетский корпус. Уже в то время Фотий отличался крайней аскезой: постоянно

пребывал в воздержании и посте, облекся во власяницу и носил вериги, что сильно сказывалось на его здоровье. Ученики его уважали и усердно посещали его предмет и показывали на экзаменах хорошие знания. Для них Фотий написал учебник по Закону Божьему "Огласительное Богословие Кафолическое и Апостольские веры восточной церкви". Вскоре Фотий был назначен благочинным и главным законоучителем в кадетском корпусе. В 1818 г. он был зачислен в соборные иеромонахи Александро-Невской лавры. В этот период окончательно оформляются религиозно-философские воззрения Фотия.

С первого же года своей работы Фотий резко выступил против господствовавших в то время в дворянском обществе мистических учений, или, как он сам писал, "против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, Сионского Вестника и прочих". В автобиографии Фотий писал, что он получил "изведение свыше во сне и разных откровениях, что подобает ему изыти на подвиг против тайных всех обществ"¹⁷⁰ Через своих учеников и почитателей Фотий собирал разнообразную информацию о деятельности масонских лож, мистических изданиях и пр. Им был составлен список из множества мистических и масонских книг, которые он поделил на "бесовские", "еретические и антихристианские", "революционные" и "масонские". Как убежденный православный, Фотий отвергал книги "масонские и магические", а также те, в которых проповедовались идеи английского материализма и французского "вольнодумства и сквернословия", "ядовитая немецкая философия Канта, Фихте и Шеллинга", "содержащие учения методистов и квиетизма", гадательные книги, гороскопы, сонники и т.п. Особую неприязнь у Фотия вызывал А. Ф. Лабзин – известный масон, издатель журнала "Сионский Вестник", а также писания Юнга-Штиллинга и проповеди И.-Е. Госснера, в которых утверждалось, что сатана действует через официальную Церковь и священство.

Кроме того, Фотий выступил с резкими обличениями деятельности Российского Библейского общества, которое распространяло под видом введения универсальной религии протестантскую и масонскую литературу, переводило Библию на литературный язык, что было неприемлемо для церковных консерваторов. Обвинял он и деятельность сект скопцов, общества Е. Ф. Татариновой, проповедников мистических учений баронессы В.-Ю. Крюденер, И. Линдля, И.- Л. Фесслера, И.- Е. Госснера и др. При этом Фотий был убежден, что все эти явления возникли в результате того, что Александр I попал под сильное влияние участников «масонского заговора» Р. А. Кошелева (известный масон, «серый кардинал», консультировавший императора по религиозным вопросам с 1810 по 1823 г.), А. Н. Голицына (министр духовных дел и народного просвещения, который проводил экуменическую политику и внедрял протестантский мистицизм и масонство в сферу образования и культуры) и М. М. Сперанского (известный либеральный реформатор и мистик).

Встав на путь борьбы с масонством и сектантством, Фотий нажил себе многочисленных влиятельных врагов. Инспектор корпуса, в котором он преподавал, генерал И. В. Бебер, видный масон (он был "великим памятным мастером" ложи "Астреи", с его именем масонская традиция связывала посвящение Александра I в масоны и последующее негласное разрешение на работу лож), одним из первых распустил слух о том, что Фотий сошел с ума после того, как тот, сделав несколько копий с масонского устава и написав на нем: "Катехизис масонов, верующих в антихриста, дьявола их сатану"¹⁷¹, раздал их кадетам.

В это время складывается весьма неоднородная по своему составу «православная оппозиция» (митрополит Михаил (Десницкий), архимандрит Иннокентий (Смирнов), графиня А.А. Орлова-Чесменская, П. А. Кикин, начальник канцелярии по принятию прошения на высочайшее имя, П. С. Мещерский – вице-президент Библейского общества, архимандрит Герасим (Князев), настоятель Московского Симонова монастыря, С. И. Смирнов, А. С. Шишков, С.А. Ширинский - Шихматов, секретарь-переводчик Московской медико-хирургической академии, духовный писатель, о. Михаил, священник церкви Ризы Спасителя Христа и др.), которая действовала конспиративно, пытаясь противостоять экспансии протестантского мистицизма и масонства. Взгляды ее представителей в основном совпадали с позицией Фотия. Они считали Библейское общество антиправославным, уравнивающим православие с другими конфессиями, масонами и мистиками, выступали против перевода Библии на современный светский язык взамен церковнославянского. Действия приверженцев Библейского общества и князя А. Н. Голицына, как главы Министерства духовных дел и народного просвещения, в котором дела православные велись наряду с делами католическими, протестантскими, магометанскими и еврейскими, оценивались как опасная ересь, ведущая к революции, подрыву православия и самодержавной монархии. Особое отторжение у них вызывало издание религиозных книг не-православного содержания. Фотий, один из самых ярких представителей «православной оппозиции», так характеризовал тогдашнюю духовную атмосферу: "против Православия явно была брань словом, делом, писанием и всякими образами и готовили враги новую, какую-то библейскую религию ввести, смесь веры сделать, а Православную веру Христову искоренить"¹⁷².

В 1819 г. на деятелей «православной оппозиции» начались гонения. Наставник и покровитель Фотия Иннокентий пропустил, как цензор, в печать книгу Е. И. Станевича, литератора, близкого к кругу А. С. Шишкова, "Беседа на гробе младенца о бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и Церкви", в которой автор обличал с православных позиций «внутреннюю церковь» - мистические увлечения образованного общества. С подачи кн. А. Н. Голицына Иннокентию был объявлен высочайший выговор от Александра I. Поначалу его отослали из столицы в Оренбург, с

назначением епископом Оренбургским, но затем, по просьбе княгини С. С. Мещерской, митрополита Михаила и епископа Филарета, Иннокентия назначили епископом Пензы и Саратова, но по пути туда он сильно заболел и, прибыв в Пензу, через несколько месяцев скончался. Станевич был выслан из Петербурга, тираж его книги уничтожен. Перед смертью Иннокентий порекомендовал Фотия в качестве духовного отца графине А. А. Орловой-Чесменской, камер-фрейлине, владелице огромного состояния, полученного от ее отца, графа А. Г. Орлова. Под духовным водительством Фотия графиня вскоре стала строго соблюдать обряды и предписания Православной Церкви, вести аскетический образ жизни. Главное же – она на протяжении всей своей дальнейшей жизни оказывала Фотию огромную материальную помощь в деле восстановления тех монастырей, настоятелем которых он в дальнейшем являлся.

В апреле 1820 г. Фотий прочитал проповедь "Бога бойтесь, царя чтите" в Казанском соборе. Ее направленность обратила на себя внимание директора департамента духовных дел А. И. Тургенева, ближайшего сотрудника А. Н. Голицына, который, в результате, способствовал опале Фотия. Митрополит Михаил в июле 1820 г. предложил Фотию стать игуменом захудалого третьеклассного Деревяницкого новгородского монастыря, фактически удалив его из Петербурга в почетную ссылку. Весь 1821 г. Фотий был занят восстановлением монастырского хозяйства, полностью прекратив общественную деятельность. При этом ему помогала графиня Орлова-Чесменская, которая присылала в монастырь щедрые пожертвования, хлопотала о возвращении Фотия в Петербург, сообщала столичные новости. В следующем году ситуация изменилась: митрополит Серафим (Глаголевский) в январе 1822 г. возвел Фотия в архимандриты второразрядного Сковородского монастыря в Новгороде. В марте 1821 г. умер митрополит Новгородский и Петербургский Михаил. Новым митрополитом стал Серафим, который пригласил в Петербург Фотия, куда он и прибыл в апреле 1822 г. Благодаря влиянию и связям графини Орловой-Чесменской знакомства с Фотием стали искать важные сановники. В мае 1822 г. Фотий познакомился с министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным. Последний, поддерживая не-православные течения, очевидно, решил "приручить" Фотия, дабы получить от этого определенные политические выгоды, часто встречался с ним, вел духовные беседы, переписывался с ним, называл его "духовным учителем" и "златоустом". В свою очередь, Фотий, по благословению митрополита Серафима, пытался повлиять на Голицына в православном духе, «обратить на правый путь» и принудить его отказаться от «потворства» масонам, сектантам, мистикам и Библейскому обществу.

Так или иначе, именно Голицын явился инициатором первой беспрецедентной аудиенции Фотия с Александром I. Она произошла 5 июня 1822 г. Аудиенции этой придавали большое значение как Голицын, так и митрополит Серафим. Беседа шла "о делах веры и церкви", «злых тайных обществах». 1 августа 1822 г. в Александр I издал рескрипт

министру внутренних дел В. П. Кочубею о запрещении масонских лож и тайных обществ на территории Российской империи. Эту меру традиционно связывают с внушениями, сделанными Фотием Александру I во время аудиенции.

21 августа 1822 г. Фотий был назначен архимандритом древнейшего в России первоклассного Юрьева монастыря, который был одной из древнейших русских обителей, основанных в 1030 г. Однако к 1822 г. он находился в ветхом состоянии, братия его была малочисленна. С приходом Фотия все изменилось, монастырь стремительно обновлялся, поскольку А. А. Орлова-Чесменская жертвовала на монастырь гигантские деньги. Кроме того, Фотию удалось добиться значительной правительственной субсидии на восстановление монастыря. В этот период про Фотия и Орлову распространяют грязные сплетни, которые нашли свое отражение в непристойных эпиграммах Пушкина.

В 1823 г. происходит знакомство Фотия с М. Л. Магницким, который к тому времени окончательно утвердился в православии и стал активным участником «православной оппозиции». В следующем году ее участники «переходят в наступление», что нашло выражение в «деле Госснера», которое послужило одним из поводов к отставке Голицына. Пастор И.-Е. Госснер был активным деятелем Библейского общества, вызывавшим особенное отторжение у «православной оппозиции». Его книга «Евангелие от Матфея» была при попустительстве Голицына пропущена цензурой в мае 1823 г. В ней он критиковал обряды христианской церкви, объявлял их греховными, обличал несостоятельность духовенства, как посредника между Богом и человеком. Главное же - в книге содержался открытый призыв к христианам не повиноваться властям, преследующим «истинных» христиан. В марте 1824 г. листы книги Госснера были выкрадены из типографии по распоряжению обер-полицмейстера и переданы Серафиму, написавшему опровержение на нее, которое было отправлено Александру I.

12 апреля 1824 г. Фотий, который был вызван еще в феврале митрополитом Серафимом в Петербург, посылает императору письма, под названием «Пароль тайных обществ или тайные замыслы в книге «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» и «О революции через Госснера, проповедываемой среди столицы всем в слуху явно уже», в которых содержался разбор книги Госснера и некоторых других мистических изданий. Архимандрит писал царю: "Бог любит церковь нашу, тебя - царя и народ...а поэтому...открываю: можно весь план (составленный для свержения самодержавия и уничтожения православной церкви. - А. М.) разрушить....Граф Аракчеев все может исполнить, он верен, - и об нем мне открыто в видении"¹⁷³. Фотий настаивал на том, чтобы Александр I отдалил от себя Р. А. Кошелева и А. Н. Голицына, ликвидировал Библейское общество и Министерство духовных дел и народного просвещения, передал Синоду надзор за просвещением, запретил все

секты и прекратил издание мистической литературы. Слова об А. А. Аракчееве были не случайны, к этому моменту он направлял действия «православной оппозиции» в нужное русло.

Таким образом, Фотий первым отправил царю послания, в котором осуждалась вся та политика в религиозной сфере, которую Александр I проводил в течение почти всего своего царствования. Для этого требовались горячая вера и незаурядное мужество, поскольку такого рода обличения могли закончиться для критика опалой и ссылкой. Однако царь прислушался к Фотию и отказал во встречах Р. А. Кошелеву. 17 апреля 1824 г. состоялась многочасовая встреча Александра I с митрополитом Серафимом, в ходе которой владыка повторил основные требования «православной оппозиции», уже сформулированные в вышеупомянутом письме Фотия. 20 апреля Фотий был тайно вызван к императору и еще раз повторил свои обвинения. Очевидно, что увещевания Фотия и Серафима сыграли определяющую роль в дальнейших событиях. 22 апреля Комитет Министров по докладу А. С. Шишкова, который действовал «параллельно» с деятелями церкви, осудил книгу Госснера и отдал распоряжение о начале следствия над теми лицами, которые были виновны в ее издании. 25 апреля были изданы два указа: о высылке Госснера из России и о новом порядке цензуры, согласно которому не Голицын, а митрополит Серафим определял судьбу книг духовного содержания.

Попытки Голицына запугать Фотия, которому он направил угрожающее письмо, привели к тому, что 25 апреля 1824 г. в доме Орловой-Чесменской, Фотий предал анафеме князя за оскорбление церкви и государя. Фотий вторично сильно рисковал, поскольку право предавать кого-либо анафеме принадлежало лишь Синоду и он, таким образом, мог стать жертвой уголовного преследования. Однако Фотий лишь получил высочайший выговор, который последовал спустя почти два месяца, 14 июня, во время личной аудиенции у Александра I, когда Голицын уже потерял важнейшие посты.

Став главным действующим лицом «православной оппозиции», Фотий направил Александру I еще несколько посланий, в которых обвинял в разрушительной деятельности тайные общества, прежде всего иллюминатов, и настаивал на осуществлении ранее сформулированных требований «православной оппозиции».

15 мая 1824 г. князь Голицын был отстранен от должности министра духовных дел и народного просвещения, а само министерство было упразднено. Руководители Библейского общества лишились своих постов. Во главе Министерства народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных вероисповеданий стал А. С. Шишков, православная часть отошла к синодальному обер-прокурору, а доклады Синода теперь должны были представляться через Аракчеева. 17 мая 1824 г. Александр I подписал рескрипт о сложении Голицыным звания президента Библейского общества, на этом посту его сменил митрополит Серафим, который был назначен главным цензором всех сочинений и

переводов, издаваемых на русском языке. За Голицыным оставался лишь пост главноуправляющего над почтовым департаментом.

Таким образом, реальная власть в сфере конфессиональных отношений, просвещения и цензуры перешла к представителям «православной оппозиции». В дальнейшем именно их позиция оказала определяющее влияние на выбор политики в сфере образования и религии в царствование Николая I. Решающую роль в этих событиях сыграл архимандрит Фотий.

Последним деянием Фотия в завершающие годы царствования Александра I было участие, наряду с А. А. Аракчеевым, А. С. Шишковым и митрополитом Серафимом, в следствии по делу секты донского есаула Е. Н. Котельникова, появление которой было вызвано пропагандой Библейского общества. Секта была ликвидирована, а ее создатель закончил свои дни в Соловецком монастыре.

В царствование Николая I Фотий, выполнив свою миссию по защите православия и православной церкви, сходит с общественной сцены и уединяется в Юрьевом монастыре. На первых порах новый монарх оказывал Фотию свое расположение. 6 февраля 1826 г. он объявил благодарность Фотию и разрешил ему писать лично государю обо всем в любое время. 12 апреля 1826 г. Николай I ликвидировал Российское Библейское общество по представлению митрополитов Серафима и Евгения. Однако по его же повелению «дело Госснера» было прекращено а его участники оправданы. Кроме того, с политической сцены были удалены ведущие фигуры «православной оппозиции» – А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий и др.

В 1827 г. император дал согласие на то, чтобы архимандрит Фотий пожизненно оставался настоятелем Юрьева монастыря. После утраты влияния Фотия на царя, после его сошествия с вынужденной для него политической сцены его противники взяли над ним своего рода реванш, представляя его развратником, лжецом и лицемером, исказили и «демонизировали» в глазах большинства современников образ архимандрита. В глазах власти и общества Фотий был скомпрометирован. Сам Фотий не придавал этому значения, положив все свои силы на восстановление Юрьева монастыря и введение монастырских правил по образцам древнего благочестия. Он ввел в монастыре общежитийный устав, предполагавший у братии общую трапезу и одежду, возродил древнее «столповое» пение, исцелял бесноватых, ввел хитоны в качестве монашеского одеяния. При этом Фотий еще более ужесточил к себе требования монашеской аскезы: наряду с ношением власяницы и вериг он подолгу уединялся в особом скиту, где проводил время в молитвенных подвигах рядом с приготовленным гробом, юродствовал, накладывал на себя обет молчания, не принимал пищи во время поста и т.д.

К концу жизни недуги болезненного Фотия развивались все сильнее и сильнее. Несмотря на болезнь, Фотий продолжал вести крайне аскетический образ жизни, но 7 января 1838 г. он окончательно слег в

постель и не вставал более. Умер он 26 февраля на руках у своей духовной дочери, графини Орловой-Чесменской.

Основная литература

1. *Бочкарев В. Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века / В. Н. Бочкарев // Отечественная война 1812 года и русское общество. - М., 1911. - Т. II. - С. 194–220.
2. *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. - Саратов, 2002. – 444 с.
3. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века / А. Зорин. - М., 2000. – 416 с.
4. *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825) / Ю. Е. Кондаков. - СПб., 1998. – 224 с.
5. Консерватизм в России и Западной Европе / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005. 312 с.
6. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. / отв. ред. А. Ю. Минаков. - Воронеж, 2001. 262 с.
7. Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2004. - Ч. 1. - 260 с; Ч. 2. - 256 с.; Ч. 3. - 220 с.
8. *Минаков А. Ю.* Предисловие [совместно с С. Г. Алленовым] // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. - Воронеж. 2001. Вып. 1. С. 3-8
9. *Его же.* К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Клио. - 2003. - № 3(22). - С. 26-31.
10. *Его же.* Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и Западной Европе / отв. ред. А. Ю. Минаков. - Воронеж, 2005. – С. 7-17.
11. *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I / А. Н. Пыпин. - СПб., 2000. – 560 с.
12. *Его же.* Религиозные движения при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I / А. Н. Пыпин. - СПб., 2000. – 472 с.
13. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. - 472 с. (Раздел 3. Консерваторы в поисках имперской стабильности).
14. Российские консерваторы / отв. ред. А. Н. Боханов. - М., 1997. – 384 с.

15. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / отв. ред. В. Я. Гросул. - М., 2000. – 440 с.
16. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. Т.1. – 605 с.; От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. – Т.2. - 796 с.

Дополнительная литература

1. Бердяев Н. О консерватизме / Н. А. Бердяев // Философия неравенства. - М., 1990. С. 109-123.
2. Галкин А. Консерватизм вчера и сегодня / А. А. Галкин // Власть. - 2000. - № 2. - С. 37-46.
3. Гусев В. А. Консервативная русская политическая мысль / В. А. Гусев. - Тверь, 1997. - 236 с.
4. Его же. Консервативные идеологии / В. А. Гусев // Социс. - 1994. - № 11. - С. 129-135.
5. Долбилов М. Д. Рецензия / М. Д. Долбилов, А. Ю. Минаков // ВИ. 2002. - № 3. - С.161-165. – (Рец. на кн.: В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М, 2000. – 440 с.).
6. Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. - 1993. - № 1. - С. 43-61.
7. Манхейм К. Консервативная мысль / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. - М., 1994. - С. 572-668.
8. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников. - М., 1999. - 161 с.
9. Его же. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра / А. В. Репников // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. - Воронеж, 2001. – Вып. 1. - С.9-20.
10. Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. “Круглый стол” // ОИ. - 2001. - № 3. - С.103-133.
11. Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизм в России / М. Ю. Чернавский. - М., 2004. - 186 с.

Электронный каталог Научной библиотеки Воронежского государственного университета – <http://www.lib.vsu.ru/>

Социальные и гуманитарные науки. История. Археология. Этнография : Библиографическая база данных. 1986-2003 гг. (ИНИОН РАН). – М., 2004. – (CD –ROM).

Список сокращений

ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ВЛ – Вопросы литературы
ВФ – Вопросы философии
ВФиП – Вопросы философии и психологии
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИВ – Исторический вестник
ЛН – Литературное наследство
ЛУ – Литературная учеба
НиНИ – Новая и новейшая история
НЛО – Новое литературное обозрение
ОИ – Отечественная история
Полис – Политические исследования
РА – Русский архив
РБС – Русский биографический словарь
РВ – Русский вестник
РИО – Русское историческое общество
РО – Русское обозрение
РС – Русская старина
Социс – Социологические исследования
ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древностей российских

Примечания

¹ Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925; Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29-30. М., 1937; Готье Ю. В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865-1881. В кн.: Сборник (Публ. б-ки им. В. И. Ленина), № 2. М., 1928; Его же. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. 1938. Т.2; К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки с предисл. М. Н. Покровского. Т.1. Полутом 1 (1878-1883). М.-Пг., 1923; Письма К. П. Победоносцева к гр. Н. П. Игнатьеву // Былое. 1924. № 27-28; Письма Победоносцева к Александру III. Т.1. М., 1925; Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.-Л., 1924; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник. (Вып.2) 1855-1882. М., 1929; Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л., 1929; Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., Л., 1929; Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX в: журналы “Беседы любителей русского слова”// На литературные темы. Кн.2. Л.,1936; Западов А. В. Из истории “Беседы любителей русского слова” // Литературный архив. Т. I. М., Л., 1938.

² Как на достаточно типичную работу такого рода, сошлемся на статью: Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. II.

³ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С.252-253.

⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып.358; Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800-1810-х гг. // Учен. записки Тарт. ун-та. Тарту. 1961. Вып.104; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII - начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Все основные работы о Н. М. Карамзине Лотмана опубликованы в книге: Ю. М. Лотман. Карамзин. Спб., 1997; Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807-1812 гг.) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1981. Вып.513; Работы М. Г. Альтшуллера, близкого по исследовательским подходам и тематике к «тартуской школе», посвященные А. С. Шишкову и шишковистам, вышли уже в эмиграции: М. Г. Альтшуллер, Ирвин Калиф «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как на политический документ. (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин) // A. D. Cross (ed.) Russia and the West in the nineteenth century. 1983. Oriental Research Parters. Newtonville, Mass., 1983; Его же. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984.

⁵ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., Л., 1957.

⁶ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964; Его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

⁷ Об этом свидетельствовал выход таких работ, как: Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. зап. МГПИ. 1969. № 309; Ананьич Б. В., Ганелин Ш. Р. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881-1883 гг. // В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; Они же. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей» // В кн.: Проблемы общественной мысли и экономической политики России XIX-XX веков. Л., 1972.

⁸ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

⁹ Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // ВФ. 1969. № 8; Гайденко П. П. Наперекор историческому прогрессу (К. Леонтьев – литературный критик) // ВЛ. 1974. № 5; Авдеева Л. Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1982. № 3; Гальцева Р. П., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах. Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада. Социально-культурные и философские аспекты. Ч.2. М., 1982; Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественной политической мысли XIX в. М., 1986; Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 1989.

¹⁰ Приведем наиболее значимые, с нашей точки, зрения работы: Китаев В. А. У истоков русского консерватизма (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) // В кн.: Волгоградский государственный университет. Материалы II научной конференции профессорско-преподавательского состава. Волгоград, 1994; Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. Спб., 1994; Серман И. Державин в новом веке // НЛЮ. 1997. № 27; Лямина Е. Э Архаисты и новаторы // Там же; Боленко К. Г., Лямина Е. Э. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» (на пути к

«Беседе любителей русского слова» и Российской академии) // Россия и реформы. М., 1991. 1995. Вып.3; Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1; Алтунян А. Власть и общество: Спор литератора и министра // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1; Прокофьев А. В. А. С. Шишков: языковая утопия русского традиционализма и ее истоки // Альманах «Философский век». Спб., Вып.5. 1998; Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век: Альманах. Спб., 1998. Вып.12. Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...». Российская Академия (1783-1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.- Спб., 2002; Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова как манифест русского консерватизма // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Самара. 2002; Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6-7; Горностаев М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003; Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // ВИ. 2002. № 4; Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина - памятник русской публицистики начала XIX в. // ЛУ.1988. № 4; Его же. Карамзин. Спб., 1997; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т.1. М., 1989; Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У истоков русского консерватизма: Н. М. Карамзин. М., 1999; Пивоваров Ю. С. Карамзин и начало русского Просвещения // Социум. 1993. № 26-27; Китаев В. А. У истоков русского консерватизма (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) // В кн.: Волгоградский государственный университет. Материалы II научной конференции профессорско-преподавательского состава. Волгоград, 1994; Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. Спб., 1996; Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия.Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М.-Венеция, 1999; Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004; Кондаков Е. Ю. Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Спб., 1997; Etkind, Alexandr. «Умирующий Сфинкс». Круг Голицына-Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // Studia Slavica finlandensia. 1996; Минаков А. Ю. Консервативный проект М. Л. Магницкого: страница истории идейных поисков русской православной оппозиции в 20-е гг. XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.1. Гуманитарные науки. 2000. № 1; Его же. М. Л. Магницкий и его роль в борьбе «православной оппозиции» с Библейским обществом // Церковь и ее деятели в истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. Воронеж. 2001; Его же; М. Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж. 2001; Его же. «Назвал я здешний край турецкою провинциею»: Деятельность М. Л. Магницкого на посту воронежского вице-губернатора // Исторические записки: Научные труды ист. ф-та ВГУ. Вып.9. – Воронеж, 2003; Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003; Азизова Е. Н. Масонские связи и воззрения Д. П. Рунича (Из истории «консервативной партии» в русском масонстве) // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. Вып.6. Воронеж, 2002; Ее же. «Дурак, хвастун, пустомеля», одаренный «горячей душой»: государственная и общественно-

политическая деятельность Д. П. Рунича // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. Вып.8. Воронеж, 2003; Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792-1838) и его время. Спб., 2000.Б.и.; Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // ВИ. 1991. № 12; Его же. Алексей Андреевич Аракчеев // В сб.: Российские консерваторы. М., 1997; Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997; Томсинов В. А. Временщик (А. А. Аракчеев). М., 1996 [более полное издание этой книги вышло в серии «Жизнь замечательных людей» - «Аракчеев». М., 2003]; Зорин А. Л. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996; Петров Ф. А. Российские университеты первой половины XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4-х книгах. Кн.1. Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч.1-3. М., 1998-1999. Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000. Кн. 4. Российские университеты и люди 1840-х гг. (Профессура и студенчество.) Ч.1. Профессура. М., 2001; Шевченко М. М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997; Его же. Правительство императора Николая I и политика С. С. Уварова // П. А. Зайончковский (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Его же. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; Умбрашко М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999; Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003; Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1990; Его же. Пушкин как мыслитель // Вестник РГНФ. 1999. № 1. Отметим также два сборника статей русских религиозных философов и деятелей православной церкви, посвященных Пушкину: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. М., 1990; А. С. Пушкин: путь к православию. М., 1996; Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999; Марголис Ю. Д. Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи истории восприятия. Спб., 1998; Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000; Его же. Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник РГНФ. 2001. № 1; Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина. Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998; Булгарин и III отделение // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998; Яковлев А. И. Святитель Филарет в церковной и общественной жизни России XIX века // Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003; Аригин А. М., Михеев В. А. Самобытные идеи Н. Я. Данилевского. М., 1996; Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001; Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997; Султанов К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. Спб., 2001; Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М., 1992; Н. П. Ильин. Понять Россию. (Н. Н. Страхов) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Богданов А. В. Почвенничество. Политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова. М., 2001; Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. М., 2000; Белов А. В. Культура глазами философов-органистов. Ростов-на-Дону, 2002; Попов А. А. М. Н. Катков: К вопросу о его социально-политических взглядах // Социально-политический журнал. 1992. № 9; Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX: Очерки. М., 1999; Хевролина В. М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. М., 1999; Минаев А. И. К вопросу об оценке М. Н. Катковым британского парламентаризма XIX века // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-исторические науки: Сб. статей. М., 2000; Долбилов М. Д. Конструирование

образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863 гг. как объект историко-антропологического анализа // АСТЮ NOVA 2000 (сборник научных статей). М., 2000; Его же. Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. Вып.1; Его же. М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: Проблема консервативно-бюрократического реформаторства // ОИ. 2002. № 6; Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000; Степанов В. Л. Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997; Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991; Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997; Косик В. И. Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему. М., 1997; Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. М., 1999; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000; Володихин Д. М. «Высокомерный странник»: Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; Ильин Н. “Душа всего дороже...” (О жизни и творчестве П. Е. Астафьева. 1846—1893) // Русское самосознание. 1994. № 1; Прасолов М. А. Петр Евгеньевич Астафьев: “Росток русско-православной культуры” // Воронежская беседа. 1995; Гаврюшин Н. К. Забытый русский мыслитель: К 150-летию со дня рождения П. Е. Астафьева // ВФ. 1996. № 12; Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1998; Милевский О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004; Черникова Н. В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // ОИ. 2001. № 4; Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // ВИ. 2001. № 10; Динерштейн Е.А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: Мысли о России. М., 1997; Симонова М. С. Вячеслав Константинович Плеве // Российские консерваторы. М., 1997; Бачинин А. Н. “Евангелие от Сергия”: Земско-самодержавный проект устройства России // Россия в новое время: Выбор пути исторического развития. М., 1994; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992; Лукьянов М. Н. Российский консерватизм в реформа 1907-1914. Пермь, 1914; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России 1911-1917 М., 2001; Его же. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003. Подробная историография правомонархического движения имеется в: Кирьянов Ю. И. Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905—1917 гг. // Правые партии. 1905—1917: Документы и материалы: В 2 т. М., 1998. Т. 2. 1911—1917 гг.; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001.

¹¹ Галковский Д. Е. Магнит. Псков. 2004. С.388.

¹² Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000; Его же. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. М., 1996; Его же. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2-х кн. М., 1997; Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. М., 1999.

¹³ В особенности важное значение имело переиздание обобщающих исследований по истории русской мысли: Бердяев Н. О консерватизме // Философия неравенства. М., 1990; Его же. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990; Его же. Н. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991; Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991; Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991; Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х кн. Л., 1991; Его же. Русские

мыслители и Европа. М., 1997; Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

¹⁴ Леонтович В. В. История русского либерализма в России. 1762-1914. М., 1995; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998.

¹⁵ Цамутали А. Н. Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. // В кн.: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С.7.

¹⁶ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого. Вып. 1. Реф. сб. М., 1991; Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990; Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий нации и капитализма. М., 2004; Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004; Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. – 605; Т.2: От Александра II до отречения Николая II. – 796 с.

¹⁷ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993; Его же. Правление, политика и общество. М., 2001; Местр Ж де. Рассуждения о Франции. М., 1997; Его же. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998; Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

¹⁸ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С.16.

¹⁹ Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма: Россия и Германия в конце XIX - начале XX века. М., 1999; Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности. Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII - начала XX веков. СПб., 2004; Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002; Мусихин Г. И. Традиционализм и реформы: сравнительный анализ взглядов М. Щербатова и Ю. Мёзера // Исследования по консерватизму. Вып.4. Реформы: политические, социально-экономические и право. Пермь, 1997.

²⁰ Загвоздкин Д. Г. Сравнительный анализ некоторых политических концепций Э. Бёрка и Н. М. Карамзина // Исследования по консерватизму. Вып.3. Консерватизм и либерализм. Пермь, 1996; Дегтярева М. И. Жозеф де Местр о российских политических традициях и перспективах реформаторства в России // Исследования по консерватизму. Вып.4. Реформы: политические, социально-экономические и право. Пермь, 1997; Ее же. Полемика Жозефа де Местра с С. С. Уваровым // Исследования по консерватизму. Вып. 5. Политика и культура в контексте истории: Пермь, 1998; Ее же. Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н. М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь. 1998.

²¹ С нашей точки зрения, введение в историографический оборот следующих трудов на русском языке существенно важно для российских исследователей: Benz Ernst. Die abendlaendische Sendung der oestlich-orthodoxen Kirche. Die russische Kirche und das abendlaendische Christentum im Zeitalter der Heiligen Allianz // Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen klasse Jahrgang 1950. № 8; Riasanovsky N. V. Russia and the west in the teaching of slavophilies. A study of romantic ideology. Cambridge (Mass), 1952; Riasanovsky N. V. Nicolas I and official nationality in Russia 1825 -1855. Berkley; Los Angeles, 1961; Fadner F. Seventy years of pan-slavism. Karamzin to Danilevskii. 1800-1870. Washington, 1962; Thaden E. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle, 1964; Kats M. Mikhail N. Katkov. A political biography, 1818-1887. The Hague; Paris: Mouton, 1966; Lukashevich S. Konstantin Leontev (1831—1891): A study in Russian "Heroic Vitalism". N. Y., 1967; Mac-Master. Danilevsky: A Russian totalitarian philosopher. Cambridge, Massachusetts, 1967; Schapiro L. Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth Century Thought. New Haven, 1967; Byrnes R. Pobedonostsev: His life and thought. Bloomington. L., 1968; Gerstein I. Nikolai Strakhov. Cambridge. Mass., 1971; Martin

A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

²² Репников А. В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1; Его же. Современная историография российского консерватизма // Консерватизм и традиционализм на юге России. Ростов-на-Дону, 2002. Достаточно полный перечень литературы соответствующего периода, посвященной в той или иной степени русскому консерватизму и консерваторам см. в справочнике: Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4 (33); 2002. №1 (34); 2002. № 2 (35); 2002. № 3 (36); 2002. № 4 (37); 2003. № 2 (39); 2003. № 3 (40); 2004. № 1 (42).

²³ Консерватизм в России. Круглый стол // Социс. 1993. № 1; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития. Материалы круглого стола // Политические исследования. 1995. № 4; Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. “Круглый стол” // ОИ. № 2001. № 3.

²⁴ Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. 1993. № 1. С.49.

²⁵ Витенберг Б. М. Консерватизм в России: прошлое и будущее: (Обзор книг о русском консерватизме) // НЛО. 2002. № 58. С.353.

²⁶ Гусев В. А. Консервативные идеологии // Социс. 1994. № 11; Его же. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып.2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь, 1995; Его же. Эволюция консервативного реформизма // Исследования по консерватизму. Вып. 4. Реформы: политические, социально-экономические и право. Материалы международной научной конференции. Пермь, 1997; Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004; Багдасарян В. Э. “Теория заговора” в отечественной историографии второй половины XIX-XX вв. М., 1999; Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; Сергеев С. М. «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880-1890-х годов (К вопросу о терминологии) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003.

²⁷ См.: Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Самара, 2002; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова.- Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004; Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – (Серия «Монографии» вып.3.). Ч. 1. 260 с; Ч.2. 256 с.; Ч.3. 220 с.

²⁸ Российские консерваторы. М., 1997.

²⁹ Там же. С.15.

³⁰ Там же. С.16.

³¹ Пушкин С. Н. Историософия русского консерватизма XIX в. Н. Новгород, 1998; Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; Репников А. В. Консервативная концепция русской государственности. М., 1999. К данной монографии примыкает работа того же автора - Консервативная модель (общественного переустройства России) // В книге: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

³² Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000

³³ Долбилов М. Д., Минаков А. Ю. – В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шаццло, Р. Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика // ВИ. 2002. № 3. С. 161-165.

³⁴ Д. М. Володихин. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003.

³⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 - середина 1870-х гг. М., 2002; Ю. И. Кирьянов Правые партии в России 1911-1917 М., 2001; Его же. Русское собрание. 1900 - 1917. М., 2003.

³⁶ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С.9.

³⁷ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие Радищева. Факсимильное издание. М., 1983. См. также: Быть России в благоденствии и славе. Послания великим князьям, царям, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002; Русская литературная утопия. М., 1986; Антисемитизм. М., 2002; Державин Г. Р. Записки 1743-1812. М., 2000; Быть России в благоденствии и славе. Послания великим князьям, царям, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002; Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002 [наряду с «Запиской», сюда вошли такие произведения, как «Историческое похвальное слово Екатерине II», «Мнение русского гражданина» и др.]; Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992; Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818. // Россия. Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М.-Венеция, 1999.

³⁸ Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I // «Река Времен (Книга истории и культуры)». Кн.1. М., 1995; Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989; Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990; Филарета митрополита московского и коломенского Творения. М., 1994; Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды. Письма. Воспоминания. М., 2003; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.

³⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991; Его же. Горе победителям. Политические статьи. М., 1998; Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992; М., 1998; Его же. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993; Его же. Христианство и политика. М., 1999; Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991; Его же. Цветущая сложность: Избранные статьи. М., 1992; Его же. Записки отшельника. М., 1992; Его же. Избранное. М., 1993; Его же. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М. 1996; Его же. Поздняя осень России. М., 2000; Фадеев Р. А. Кавказская война. М., 2003; См. например: Неизвестный Нилус. В 2-х тт. М., 1995; Иоанн Восторгов, протоиерей. Полное собрание сочинений в 5 тт. СПб., 1995; Щербатов А. Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002.

⁴⁰ Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998; Константин Леонтьев: pro et contra. В 2 тт. СПб., 1995; Победоносцев: pro et contra. СПб., 1995; Вехи: pro et contra. СПб., 1998.

⁴¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997; Его же. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892-1897. М., 1997; Его же. Апология веры и монархии. М., 1999; Его же. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998; Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999; Меньшиков М. О. Письма русской нации. М., 1999; Астафьев П. Е. Философия нации и

единство мировоззрения. М., 2000.

⁴² Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. В 2 тт. М., 1998.

⁴³ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991; Его же. О любви. Ставрополь, 1994; Его же. Думы о счастье. Ставрополь, 1995; Его же. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998; Его же. Письма к русской нации. М., 1999; Национальная империя. М., 2004.

⁴⁴ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993; Победоносцев: pro et contra. Спб., 1995; Его же. Сочинения. Спб., 1996; Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002.

⁴⁵ Державин Г. Р. Записки 1743-1812. М., 2000; Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992; «Арзамас»: Сборник. В 2-х кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. М., 1994; Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996; Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000; Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды. Письма. Воспоминания. М., 2003; Греч Н. Записки о моей жизни. М., 2002; Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000; Корф М. А. Записки. М., 2003; Ф. В. Булгарин Воспоминания. М., 2001; Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998; В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.

⁴⁶ Исследования по консерватизму. Вып. I. Консерватизм в современном мире. Пермь, 1994; Вып.2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь, 1995; Вып.3. Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы. Пермь, 1996; Вып.4. Реформы: политические, социально-экономические и правовые аспекты. Пермь, 1997; Вып.5. Политика и культура в контексте истории. Пермь, 1998; Вып.6. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Пермь, 2003.

⁴⁷ Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998.

⁴⁸ Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998.

⁴⁹ См.: Иванова Е. В. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // ВФ. 2001. № 8.

⁵⁰ См.: Русская социально-политическая мысль XIX в.: К. Н. Леонтьев / Сост. А. А. Ширинянц, А. Г. Мячин. М., 1995; Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М., 1999; Ермашов Д. В., Пролубников А. В., Ширинянц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX века: Л. А. Тихомиров. М., 1999; Богданов А. В. Почвенничество. Политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н.Н. Страхова. М., 2001 и др.

⁵¹ Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин. М., 2001. С.4.

⁵² Там же.

⁵³ Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26-29 апреля 2002 года. Самара. 2002.

⁵⁴ Данный сборник «собрал» значительное количество рецензий: Р.[оман] Р.[омов] Рец. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж. 2001. Вып.1. 262 с. // Свободная мысль. 2001. № 9; Елена Вишленкова Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. трудов. Вып.1. / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж. Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 264 с. // Ab Imperio. 2001. № 4. С.467-472; Zeitschrift fuer Weltgeschichte. 2002. № 1. S.164-165. И. А. Христофоров. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Вып.1. Воронеж: Издательство Воронежского гос. университета, 2001. 264 с. Тир.500 // ОИ. 2002. № 5. С.200-202.; С. Н. Полторак Рецензия на сборник научных трудов “Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее” (Воронеж: ВГУ, 2001. 261 с.) // Клио. 2002. № 3 (18). С.226; G. M.Hamburg. Konservatism v Rossii i mire: Proshloe i nastoiashchee. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. By A. Iu. Minakov.

Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 261 pp. Notes. Chronology. Paper. Slavic Review. Spring 2003. vol. 62. № 1. P. 177-179.

⁵⁵ Информацию об этой конференции см.: Долбилов М. Д., Карпачев М. Д., Минаков А. Ю. Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты. Международная научная конференция // ОИ. 2003. № 2.

⁵⁶ Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.

⁵⁷ Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов-на-Дону, 2002.

⁵⁸ По итогам конференции выпущен сборник: Ф. И. Тютчев (1803-1873) и проблемы российского консерватизма / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП РГУ и ИСПИ РАН. Приложение. Сборник статей. Ростов н/Д., 2004. Т.1. - 140 с. Т.2. - 216 с.

⁵⁹ Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003

⁶⁰ Российский консерватизм: теория и практика. Челябинск, 1999.

⁶¹ Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002.

⁶² Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999.

⁶³ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С.18-104.

⁶⁴ ВИ. 2002. № 3. С.161-165.

⁶⁵ Русский консерватизм XIX столетия. С.29-30.

⁶⁶ Там же. С.78.

⁶⁷ Там же. С.50.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ВИ. 2002. № 3. С. 165.

⁷⁰ В своей недавно вышедшей работе А. С. Карцов подробно обосновал это положение: «В целом вариации консервативного общественного идеала сводились по преимуществу к неодинаковому иерархическому выстраиванию отдельных элементов базовой идеологии «Православие – Самодержавие – Народность», к несхожему между собой соподчинению культурного, государственного и национального элементов». См.: А. С. Карцов. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С.55.

⁷¹ Наиболее ярко черты церковного консерватизма alexandrovskogo царствования выразились в посланиях Фотия (Спасского) Александру I и в его автобиографических записках. См.: Фотий. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1894. Т.81. № 3 -5; Т.82. № 7, 9,10; 1895. Т.83 № 2; Т.84. №№ 7,8,11,12; 1896. Т.87. №№ 7,8. Наиболее подробно церковный консерватизм описан в монографиях Ю. Е. Кондакова. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998; Его же. Архимандрит Фотий (1792-1838) и его время. СПб., 2000.

⁷² О Шишкове и его взглядах см.: Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч.1; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып.358; Альтшуллер М. Г. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984; Мартин А. «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998; Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8.

⁷³ О Магницком и его взглядах см.: Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. 2001. Вып.1.

⁷⁴ Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с.е.и.в.к. СПб., 1876. Вып.1.

⁷⁵ Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. СПб., 1994.

⁷⁶ Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931.

⁷⁷ Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: Сб. науч. трудов. Вып.1. Воронеж, 2002.

⁷⁸ Карамзин Н. М.. Записка о древней и новой России. М., 1991.

⁷⁹ См.: Ростопчин А. Ф. Ох, французы! М., 1992.

⁸⁰ О национально-консервативной «партии» в русском масонстве 1810-х годов см.: Брачев В. С. Масоны и власть в России. Спб., 2000

⁸¹ О А. Ф. Лабзине и «Сионском вестнике» см.: Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // ЖМНП. 1875. № 11; Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты. А. Ф. Лабзин и его журнал “Сионский вестник” // РС. 1894. № 9-12, 1895, № 1-2; Etkind A. «Умирающий сфинкс»: круг Голицына-Лабзина и петербургский период русской мистической традиции – в сб.: *Studia slavica finlandensia*, t.13, Helsinki, 1996.

⁸² Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997. С.21-23.

⁸³ Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на новый и старый ее быт (из бумаг Д. П. Рунича) с предисловием А. Титова. Ярославль, 1909.

⁸⁴ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 97-134.

⁸⁵ См. Кондаков Ю. Е. Указ. соч.

⁸⁶ Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. Спб., 1995. С.27-40.

⁸⁷ К мистико-космополитическому направлению на определенном этапе примыкали и фигуры, чьи взгляды можно охарактеризовать как православно-самодержавные. Например, А. С. Стурдза, один из редакторов Акта Священного Союза, утверждал, что православие может сочетаться с экуменической идеей Священного Союза, в силу необходимости объединить силы всех христиан для борьбы с “неверием рационализма”. При этом он стремился к тому, чтобы идеология “Священного Союза” учитывала национальные русские особенности, в частности, специфику православной религии.

⁸⁸ Особенно подробно идеологические представления этого направления раскрываются в: Местр, Жозеф Мари де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 10-12.

⁸⁹ К примеру, о причудливом сочетании радикальных и консервативных идей в мировоззрении декабристов см. работу В. С. Парсамова. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

⁹⁰ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. Спб., 1824. Ч. II. С.1.

⁹¹ Там же. С. 252.

⁹² Там же. С.4.

⁹³ Там же. С.5-7.

⁹⁴ Там же. С.225-226.

⁹⁵ Там же. С.369.

⁹⁶ Там же. С.404.

⁹⁷ Рассуждение о любви к отечеству // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. Спб., 1825. Ч. IV. С.148-149.

⁹⁸ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. Спб., 1902. С.177.

⁹⁹ Тихонравов Н. Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812-м году //

Отечественные записки. 1854. № 7-8. Отд. II. С.3.

¹⁰⁰ Ростопчин Ф. В. Записка гр. Ф. В. Ростопчина о политическом отношении России в последние месяцы павловского царствования // РА. 1878. № 1. С. 103-110

¹⁰¹ Там же. С.106.

¹⁰² Ростопчина Л.А. Семейная хроника (1812 г.). М., [1912]. С.23

¹⁰³ Ростопчин Ф.В. "Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева" // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С.148

¹⁰⁴ Там же. С. 149.

¹⁰⁵ Там же. С. 150.

¹⁰⁶ Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т.II. С. 201.

¹⁰⁷ Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 г. // РА. 1892. №5. С. 402.

¹⁰⁸ Ростопчин Ф. В. Записка о мартинистах // РА. 1875. № 9. С.77.

¹⁰⁹ Там же. С.78.

¹¹⁰ Там же. С.79.

¹¹¹ Там же. С.81.

¹¹² Там же. С. 81.

¹¹³ Там же. С. 79.

¹¹⁴ Ростопчин Ф.В. 1812 г. в записках Ф. В. Ростопчина // РС.1889. № 12. С. 669.

¹¹⁵ Ростопчин Ф. В. Ох, французы. С. 209-210.

¹¹⁶ Цит. по: Овчинников Г. Д. "И дышит умом и юмором того времени ..." // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 13.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Попов Н. А. Дело М. Верещагина в Сенате в 1812-1816 г. // ЧОИДР. Октябрь-декабрь. 1866. С. 6-7.

¹¹⁹ Письмо Ф. В. Ростопчина к Александру I от 4 августа 1812 г. // РА. 1892. № 7. С. 443.

¹²⁰ Вяземский П. А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // РА. 1877. № 5. С. 76.

¹²¹ Цит. по: Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки // Из творческого наследия. Спб., 1999. С.

¹²² Русский Вестник. 1808. № 4. С.38.

¹²³ Цит. по: Замотин И. И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. V. С. 134

¹²⁴ Цит. по: Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 127

¹²⁵ Глинка С. Н. Записки. Спб., 1895. С.336.

¹²⁶ Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века // ВИ. 2002. № 4. С.152.

¹²⁷ Там же. С.160.

¹²⁸ Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Л., 1984. Т.2. С.179-180

¹²⁹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С.254

¹³⁰ Там же. С. 338.

¹³¹ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 55.

¹³² Вестник Европы. 1802. № 8. С. 364.

¹³³ Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Л., 1984. Т.2. С. 230.

¹³⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С.22.

¹³⁵ Там же. С.22

¹³⁶ Там же. С.23.

¹³⁷ Там же. С. 22.

¹³⁸ Там же. С.24.

¹³⁹ Там же. С. 28.

¹⁴⁰ Там же. С. 136.

- ¹⁴¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 4 кн. М., 1989. Т.6. С.224.
- ¹⁴² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С.32.
- ¹⁴³ Там же. С. 49.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 32.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 32-37.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 35.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 91.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 94.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 63, 56, 74.
- ¹⁵⁰ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1879. Т.2. С.215.
- ¹⁵¹ Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. СПб., 1821. Ч.1. № 2. С.187-188.
- ¹⁵² Там же. С. 199.
- ¹⁵³ Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии // Россия: Культурные практики в идеологической перспективе. Вып.3. М.- Венеция, 1999. С.153, 154.
- ¹⁵⁴ Новый энциклопедический словарь. СПб. Т. 3. С.322.
- ¹⁵⁵ РА. 1866. Стлб. 925-926.
- ¹⁵⁶ Николай Михайлович (Романов). Император Александр I. Т.1. С.285.
- ¹⁵⁷ Федоров В. А. М. М.Сперанский и А. А. Аракчеев. М. 1997. С.106.
- ¹⁵⁸ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807-1827) // СПб., 1883. С. 466 – 467.
- ¹⁵⁹ Богданович П. Н. Аракчеев. Граф и барон Российской империи. (1769-1834). Буэнос-Айрес, 1956. С. 125.
- ¹⁶⁰ Там же. С.127.
- ¹⁶¹ Исповедь Шервуда-Верного // ИВ. 1896. № 1. С.82
- ¹⁶² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001.
- ¹⁶³ ГА РФ. Ф.109. СА. Оп.3. Д. 879 Л.120.
- ¹⁶⁴ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С.219.
- ¹⁶⁵ Показания Магницкого // Деятельность XIX-XV вв: Исторический сборник. М., 1872. Т.1. С.243.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. М., 1877. С.19.
- ¹⁶⁸ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807-1829 гг.). СПб., 1883. С.369-374.
- ¹⁶⁹ Дудаков С. Ю. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX-XX вв. М., 1993. С.59.
- ¹⁷⁰ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1894. № 7. С.214.
- ¹⁷¹ Миропольский С. Фотий Спасский Юрьевский архимандрит // ВЕ. 1878. № 11. С.49-50.
- ¹⁷² Карнович Е. П. Архимандрит Фотий. Настоятель Новгородского Юрьева монастыря // РС. 1875. № 8. С.469.
- ¹⁷³ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1895. № 11. С.209.

Автор – Минаков Аркадий Юрьевич

Редактор – Бунина Т. Д.